В. А. Буров

КРЕПОСТЬ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Том 1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
СОЛОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ПРИРОДНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

В. А. Буров

КРЕПОСТЬ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

История, зодчество, археология

Том 1

Исследование и публикации

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2020

УДК 904
ББК 63.3(2)л6
Б90

Ответственный редактор
член-корр. РАН, доктор исторических наук *Л. А. Беляев* (Институт археологии РАН)

Рецензенты:
член-корр. РАН, доктор искусствоведения, профессор *Вл. В. Седов*
(Институт археологии РАН);
кандидат исторических наук *А. В. Лаушкин* (Исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова);
кандидат исторических наук *А. В. Малов* (Институт Российской истории РАН);
кандидат исторических наук *А. Я. Мартынов*
(Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник)

Буров В. А.
Б90 Крепость Соловецкого монастыря: История, зодчество, археология / Институт археологии РАН; Соловецкий гос. ист.-архит. и природ. музей-заповедник. Т. 1. Исследование и публикации. — М.; СПб.: Нестор-История, 2020. — 592 с.

ISBN 978-5-4469-1630-6

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-4469-1630-6

Возведенная на рубеже XVI–XVII столетий валунная крепость Соловецкого монастыря — непревзойденный образец русского оборонного зодчества эпохи позднего Средневековья. На протяжении двух веков она была центром обороны Русского Севера, но одновременно защищала святую обитель, будучи одним из главнейших на Руси центров государева богомолья. Данная монография, основанная в первую очередь на архивных и археологических источниках с прибавлением материалов зодчества, вводит в оборот многочисленные новые сведения об ее истории и архитектуре. Представлена подробная история каждого элемента крепости: башен, ворот, прясел, дан анализ состава вооружения конца XVI — XVIII в.

Впервые определяются участки, возведенные мастерами Иваном Михайловым (1582–1583 гг.) и Трифоном Кологривовым (1584–1595 гг.), устанавливается метрическая система крепости, дается подсчет строительного материала (валунов и кирпичей). Обобщаются результаты многолетнего археологического изучения Соловецкой крепости: исследования фундамента, северного и южного рвов, настилов под пушки в печурах подошвенного боя, знаменитой Головленковой тюрьмы в толще крепостной стены.

Приведена полная подборка описей вооружения за два столетия, дана публикация рукописи инженера-подпоручика Я. В. Васильева о подготовке обороны крепости в 1790 г., а также письма архимандрита Александра о военных событиях на Соловках в 1854–1855 гг.

Для исследователей истории России, для тех, кто интересуется историческим прошлым Русского Севера и Соловецкого монастыря.

Монография включает два тома: том 1 посвящен исследованию с публикацией материалов, том 2 — альбом (1246 ил.).

ISBN 978-5-4469-1630-6

© Буров В.А., 2020
© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2020
© Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

Оглавление

Введение 10
Глава 1. К истории каменной крепости Соловецкого монастыря 23
1.1. Деревянный город 1578–1579 гг. — предвестник каменной крепости. 23
1.2. Деятельность в Беломорье детей боярских — Андрея Загряжского и Киприана Оничкова 28
1.3. О дате строительства каменной Соловецкой крепости 32
1.4. В какую сумму обошлась монастырю крепость? 36
1.5. О зодчих — Иване Михайлове и монахе Трифоне Кологривове. 38
1.6. Крепость в конце XVI — XVII в. 40
1.7. Крепость в XVIII — начале XIX в. 49
1.8. Крепость в описании инженера-подпоручика Я. В. Васильева 1790 г. 52
1.9. Оборона Соловецкого монастыря в 1854 г. Письма в Синод архимандрита Александра 58
1.10. Сакральная музеефикация монастыря после военных событий 1854–1855 гг. 63
1.11. Судьба крепости в XX в. 65
Глава 2. Структурные элементы Соловецкой крепости по данным письменных и изобразительных источников 68
2.1. Башни 71
2.1.1. Стратилатовская (Прядильная) башня 71
2.1.2. Успенская (Оружейная) башня 79
2.1.3. Корожная башня 86
2.1.4. Никольская башня 93
2.1.5. Архангельская башня 101
2.1.6. Белая башня 106
2.2. Ворота в городовой стене 113
2.2.1. Святые городовые ворота 113
2.2.2. Рыбные (Сельдяные) ворота 119
2.2.3. Водяные (Святозерские) ворота 121
2.2.4. Архангельские ворота 121
2.2.5. Тайницкие (Сушиленные) ворота. 122
2.2.6. Никольские ворота 124
2.3. Прясла городовой стены 124
2.3.1. Участок прясла между Стратилатовской (Прядильной) башней и Святыми воротами 125
2.3.2. Участок прясла между Святыми воротами и Успенской башней. 126
2.3.3. Прясло между Успенской и Корожной башнями 126
2.3.4. Прясло между Корожной и Никольской башнями 133
2.3.5. Прясло между Никольской башней и Квасоварней 136
2.3.6. Прясло между Поварней и Архангельской башней. 139
2.3.7. Прясло между Архангельской и Белой башнями 141
2.3.8. Прясло между Белой башней и Сушилом. 144
2.3.9. Прясло между Сушилом и Стратилатовской (Прядильной) башней 145

2.3.10. Печуры нижнего боя в пряслах 147
2.3.11. Бойницы верхнего боя в пряслах 148
2.4. Рвы 155
2.4.1. Северный сухой ров 156
Траншея 1 157
Траншея 2 161
Траншея 3 164
2.4.2. Южный ров 169
2.5. Пристенок 170
2.5.1. Башня Квасоваренная 171
2.5.2. Башня Поваренная 173
2.5.3. Стены Пристенка 176
2.6. Сушило 176
Глава 3. Соловецкая крепость — инженерно-фортификационное сооружение XVI–XVIII вв. 179
3.1. К истокам соловецкой валунной фортификации 179
3.2. Прямые аналоги Соловецкой крепости 184
3.3. О характере инженерно-строительной технологии возведения крепости 187
3.3.1. Фундамент стен и башен 187
Прясло между Стратилатовской башней и сенями Святых ворот 190
Прясло между сенями Святых ворот и Успенской башней 191
Успенская башня 194
Прясло между Успенской башней и Рыбными воротами 195
Рыбные ворота 197
Прясло между Рыбными воротами и Корожной башней 198
Корожная башня 199
Прясло между башнями Корожной и Никольской 199
Никольская башня 200
Прясло между Никольской башней и Пристенком 200
Прясло между Пристенком и Архангельской башней 201
Прясло между башнями Архангельской и Белой 205
Белая башня 207
Прясло между Белой башней и Сушилом 207
Прясло между Сушилом и Стратилатовской башней 207
3.3.2. Цоколь 210
3.3.3. О характере валунной кладки и заделке межвалунных швов 211
3.3.4. О побелке крепостных стен 213
3.4. Деревянные конструкции в фортификации 214
3.4.1. Полы, кровля, междуэтажные перекрытия, шатры 214
3.4.2. Деревянные помосты в печурах прясел для пушек 218
Платформа 1. XVIII в. 219
Платформа 2. 1790 г. 220
Платформа 3. XVIII в. 224
3.4.3. Помосты для стрельцов XVI–XVII вв. 224
Дощатый настил 1. XVI–XVII вв. 224
Дощатый настил 2. XVI–XVII вв. 225
Дощатый настил 3. XVI в. 225
3.5. Статистическая характеристика обороноспособности крепости 225
3.5.1. О количестве печур и бойниц 226
3.5.2. О количестве настилов под пушки в 1790 г. 229
3.6. Метрическая характеристика крепости 230
3.6.1. Внешний периметр 230
3.6.2. Параметры башен 233
3.6.2.1. Общие размеры башен 233
3.6.2.2. Параметры пушечных печур башен 235

3.6.2.3. Параметры верхних бойниц башен 238
3.6.3. Параметры прясел 239
3.6.3.1. Расчет первоначальной высоты крепостных стен и башен 239
3.6.3.2. Основные параметры стен 240
3.6.3.3. Параметры печур подошвенного боя в пряслах 247
3.6.3.4. Расстояние между центрами амбразур печур 249
3.6.3.5. Расстояние между центрами бойниц верхнего боя в пряслах 251
3.6.4. Параметры городовых ворот 253
3.7. Опыт подсчета объемов строительного материала крепости 1582–1595 гг. 254
3.7.1. Подсчет количества облицовочных валунов башен 255
3.7.2. Подсчет количества облицовочных валунов прясел 259
3.7.3. Подсчет количества облицовочных валунов ворот 267
3.7.4. Подсчет количества кирпичей башен 267
3.7.5. Подсчет количества кирпичей печур нижнего боя прясел 278
3.7.6. Подсчет количества кирпичей столбов верха прясел 280
3.7.7. Подсчет количества кирпичей внутренних парапетов обходной галереи 285
3.7.8. Подсчет количества кирпичей внешнего парапета обходной галереи с бойницами верхнего боя 289
3.7.9. Подсчет количества кирпичей ворот 297
3.8. Авторство крепости Ивана Михайлова (1582–1583 гг.) и Трифона Кологривова (1584–1595 гг.) 298
3.9. Стратегия обороны Соловецкого монастыря и его осады в XVI–XVIII вв. 303
Глава 4. Оружейная казна Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. 307
4.1. История оружейной казны 307
4.2. Судьба вооружения крепости в советский период 338
4.3. Состав и эволюция собрания оружия 340
4.3.1. Артиллерия — «наряд» 341
4.3.1.1. Пищали-пушки затинные 341
4.3.1.2. Пищали-пушки девятипядные 343
4.3.1.3. Пищали-пушки полуторные 344
4.3.1.4. Пищали-пушки полковые 344
4.3.1.5. Пищали-пушки скорострельные 345
4.3.1.6. Пищали-пушки хвостухи 346
4.3.1.7. Пушки волконейки 348
4.3.1.8. Пушки сороковые 349
4.3.1.9. Тюфяки дробовые, дробовики 349
4.3.1.10. Пушки проломные 350
4.3.1.11. Мортиры 351
4.3.1.12. Пушки медные иностранные «галанки» и русские без указания типа 351
4.3.1.13. Пушки железные без указания типа 354
4.3.2. Ручное оружие 357
4.3.2.1. Пищали-ручницы 357
4.3.2.2. Мушкеты 359
4.3.2.3. Фузеи 359
4.3.2.4. Самопалы 359
4.3.2.5. Винтовки 360
4.3.2.6. Карабины 360
4.3.2.7. Пистолеты 361
4.3.3. Снаряды, порох, свинец и прочее 361
4.3.3.1. Ядра 361
4.3.3.2. Ядра картечные 362
4.3.3.3. Картечь 362
4.3.3.4. Дроб 362

4.3.3.5. Гранаты....362
4.3.3.6. Книппели....363
4.3.3.7. Рогатки стрельные....363
4.3.3.8. Корзины для ядер....363
4.3.3.9. Козы для жара....363
4.3.3.10. Пули....364
4.3.3.11. Заряды....365
4.3.3.12. Лядунки....365
4.3.3.13. Фитили....366
4.3.3.14. Селитра....366
4.3.3.15. Порох....366
4.3.3.16. Свинец....368
4.3.3.17. Порошницы....368
4.3.3.18. Рога....368
4.3.3.19. Натруски....369
4.3.3.20. Фляжки....369
4.3.3.21. Мех пороховой....370
4.3.3.22. Сито....370
4.3.3.23. Кремень....370
4.3.4. Холодное наступательное оружие — колющее и рубящее....370
4.3.4.1. Ножи....370
4.3.4.2. Кинжалы....370
4.3.4.3. Кортики....371
4.3.4.4. Сулебы....371
4.3.4.5. Палаши....371
4.3.4.6. Сабли....373
4.3.4.7. Шпаги....374
4.3.4.8. Посохи....375
4.3.4.9. Бердыши....375
4.3.4.10. Топоры и топорки....376
4.3.4.11. Алебарда....377
4.3.4.12. Копья....377
4.3.4.13. Рогатина....377
4.3.4.14. Протазан....378
4.3.4.15. Багинеты....378
4.3.4.16. Кистени....378
4.3.4.17. Чеканы....378
4.3.5. Ручное метательное оружие — луки и стрелы....379
4.3.5.1. Саадаки....379
4.3.5.2. Чехлы саадака....379
4.3.5.3. Колчаны....379
4.3.5.4. Тохтуй....379
4.3.5.5. Луки....379
4.3.5.6. Жилы....380
4.3.5.7. Стрелы и наконечники стрел для луков....380
4.3.5.8. Самострелы....381
4.3.5.9. Стрелы к самострелам....381
4.3.6. Доспехи....381
4.3.6.1. Панцири....381
4.3.6.2. Кольчуги....382
4.3.6.3. Мисюрки....382
4.3.6.4. Наручи....382
4.3.6.5. Щит....382
4.3.7. Воинские регалии и атрибуты....382
4.3.7.1. Знамена....382

4.3.7.2. Прапоры . . . 384
4.3.7.3. Набаты . . . 384
4.3.8. Снаряжение всадника и коня . . . 385
4.3.9. Инструмент, оборудование, всякая снасть . . . 386
4.3.9.1. Кузнечный инструмент . . . 386
4.3.9.2. Слесарный инструмент оружейника . . . 386
4.3.9.3. Столярный инструмент . . . 387
4.3.9.4. Оборудование для изготовления снарядов . . . 387
4.3.9.5. Весы . . . 387
4.3.10. Покрывала, одежда, походное снаряжение . . . 388
4.3.11. Пожарный инвентарь . . . 390
Глава 5. Крепость-тюрьма . . . 392
5.1. Из истории соловецких тюрем . . . 392
5.2. Корожная тюрьма в печуре крепостной стены . . . 396
5.3. Поиски Корожной тюрьмы в Корожной башне . . . 397
5.4. Тюрьма у Никольских ворот . . . 398
5.5. Головленкова тюрьма . . . 399
5.5.1. Узники Головленковой тюрьмы . . . 400
5.5.2. О местоположении тюрьмы . . . 402
5.5.3. Задачи исследования, начало раскопок . . . 404
5.5.4. Казарма для часового солдата . . . 405
5.5.5. Северная палатка . . . 408
5.5.6. Южная палатка . . . 411
5.5.7. Частокол и крыльцо при входе в тюрьму . . . 412
5.5.8. К проекту музеефикации Головленковой тюрьмы . . . 413
Заключение . . . 415
Приложение 1. Оружейная казна Соловецкого монастыря по данным монастырских вкладных книг, описей вооружения и имущества конца XVI — XVIII в. . . . 420
Приложение 2. Рукопись инженера-подпоручика Я. В. Васильева с чертежами 1790 г. . . . 485
Приложение 3. Письма-донесения архимандрита Александра в Синод. 1854–1855 гг. . . . 521
Приложение 4. Каталог историко-мемориальных досок и плит Соловецкого монастыря . . . 532
Указатель имен. XIV — начало XX в. . . . 546
Источники и литература . . . 562
Материалы исторических архивов . . . 562
Материалы научных архивов госучреждений . . . 565
Литература . . . 572
Список сокращений . . . 586
Conclusion . . . 587

Введение

Соловецкий монастырь, основанный в середине XV столетия на северной окраине Великого Новгорода, на одноименном острове в Белом море, вошел в историю России не только как великий духовный и культурный центр Русского Православия, но и как надежный защитник северных рубежей Русской земли. В конце XVI столетия, в эпоху Московского царства, здесь была воздвигнута мощнейшая валунная крепость, ныне признанная выдающимся памятником европейского военного зодчества (ил. 1–6).

Само географическое расположение Соловецкой обители — неподалеку от границы с воинственной Швецией и близ трасс международных морских путей — дало основание русским государям предопределить ее военные функции на протяжении XVI–XVII вв. как стража акватории Белого моря и важнейшего стратегического центра обороны всего Русского Севера. Новая беломорская крепость вместе с деревянными острогами на материке, охраняемая московскими стрельцами, должна была надежно прикрывать огромные приграничные территории, выходившие к Ледовитому океану. И таким гарантом безопасности северных границ Российского государства Соловецкая крепость наряду с другими фортификациями оставалась вплоть до начала XIX в. Но всё же не следует забывать, что возведение на Соловках в конце XVI столетия деревянной, а затем каменной фортификации преследовало одновременно важнейшую идеологическую и сакральную цель: сделать полностью неприступным одно из важнейших на Руси государевых богомолий, поскольку здесь с особой силой — «*денно и нощно, соборно и келейно*», а «*в кельях особне*»[1] — велась молитва за православного государя (*Буров В.А.*, 1997а, с. 121–126; 2011а, с. 24–25; 2011б, с. 99–106; 2013, с. 162–175).

Первое деревянное укрепление — предшественник Соловецкой каменной крепости, начали строить вокруг монастыря по указу царя Ивана Грозного от 2 августа 1578 г. Тогда шла кровопролитная Ливонская война за выход Московии к Балтийскому морю. А затем всего четыре года спустя началось сооружение грандиозной валунной фортификации, не имевшей аналогов в русском оборонном зодчестве. Протяженность мощнейшей крепости, возведенной всего за 14 лет, с 1582 по 1595 г., составила чуть более одной версты. Первые два года работы велись под руководством «*городового мастера*» Ивана Михайлова из Вологды, а затем — «*городового мастера*» соловецкого монаха Трифона Кологривова.

По аналогии с рядом северо-западных крепостей Соловецкой крепости придали форму корабля — вытянутого пятиугольника с заостренным концом. Она имела пять круглых башен — Стратилатовскую, Корожную, Никольскую, Архангельскую, Белую, и одну квадратную — Успенскую. Крепость охраняла прекрасно вооруженная сотня московских стрельцов с пушкарями. После того как в 1619–1622 гг. Соловецкая фортификация была усилена двумя рвами и Пристенком, она стала практически неприступной, способной выдержать многолетнюю осаду. **Мы оцениваем Соловецкую каменную крепость конца XVI — первой четверти XVII столетия как вершину отечественной фортификации периода позднего Средневековья, как са-**

[1] Здесь и далее во всей монографии курсивом выделены выдержки из документов и цитаты из литературы.

мое прочное оборонительное сооружение средневековой Руси.

Особо подчеркнем, что это была **самая северная каменная средневековая крепость Московской Руси, расположенная всего в 150 км от Полярного круга.** При ее строительстве использовался твердый природный материал — гранитные валуны, в обилии имеющиеся на Соловках. Многометровая толщина стен из валунной кладки в основании печур подошвенного боя на разных участках от 4,5 до 8 м придала необычайную устойчивость крепостным стенам, башням, обеспечила их абсолютную непробиваемость. Она свела на нет все достижения средневековой артиллерии. Традиционный прием осады — обстрел крепости с целью разрушения ее стен и создания пролома, через который можно было бы ворваться внутрь, — на Соловках терял всякий смысл. А особенность геологического строения Соловков — необычайная прочность материкового грунта, высокая плотность серой супеси, насыщенной валунами, — исключала подкопы под стены и башни с северной и южной приступных сторон с целью их подрыва. Даже в начале XXI в. Соловецкая крепость выглядит внушительно, поражая туристов и паломников мощью своих стен и башен с многочисленными окнами бойниц. Требуется немало времени, чтобы ее обойти и досконально осмотреть.

Непробиваемость и незыблемость стен и башен крепости Соловецкого монастыря впервые была опробована в конце XVII в. во время «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.). Ее безрезультатно обстреливали из пушек отряды стрельцов, периодически присылаемых из Москвы для усмирения монахов, не признавших церковной реформы патриарха Никона. Крепость выдержала испытание и более совершенными орудиями — во время Крымской военной кампании в 1854 г. Английские ядра только отскакивали от валунной кладки. Это беспримерный случай в истории оборонного зодчества России. **Запас прочности средневековых соловецких крепостных стен оказался задан на три века вперед развития «ядерной» артиллерии**.

План и топография Соловецкой крепости были идеальны для круговой обороны. Естественные водные преграды (морской залив — с запада, Святое озеро — с востока) удачно защищали крепость с двух удлиненных боковых сторон. С севера и юга доступ к коротким участкам стен преграждали сухие рвы, стенки которых были выложены также из валунов. Высокие стены и башни было трудно преодолеть при помощи штурмовых лестниц под прицельным перекрестным огнем. Единственный первоначальный просчет в конструкции Соловецкой крепости заключался в недостаточно высоких стенах здания Сушила, прикрывавшего подход к Белой башне на южном участке, и низкой стене между Никольской и Квасоваренной башнями восточного прясла. Но он был легко устранен монахами во время «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.). Здесь надстроили специальные рубленные деревянные раскаты для установки пушек. В итоге осада крепости отрядами московских стрельцов затянулась на восемь лет. Только из-за измены монаха Феоктиста твердыня пала в январе 1676 г. Показательно также, что в 1854 г. приплывшие в Беломорье англичане после неудачной попытки высадиться на острове даже не рискнули предпринять ее штурм.

Крепости оказалась не страшна многолетняя осада. Здесь было большое количество совершенного для своего времени вооружения, а заключенный внутрь нее монастырь имел большие продовольственные запасы на долгие годы. Сюда по трубам в колодец поступала вода. Внутри ограды на канале, проведенном из озера, работала мельница.

Выдающиеся зодчие Иван Михайлов и Трифон Кологривов в 1580–1590-е гг. благодаря широкому использованию валунного камня в сочетании с кирпичом создали новый тип русской крепости, намного опережавший требования, предъявляемые эпохой к фортификационным сооружениям, оснащенным артиллерией. Однако на рубеже XVI–XVII вв., в условиях затянувшегося сильнейшего экономического и политического кризиса в России, а также в последующее время это **крупнейшее достижение отечественной фортификации осталось единичным непревзойденным образцом.** Расположенные на материке деревянные крепостицы и остроги (Кемский, Кольский, Сумский, Ругозерский) так и не были заменены на каменные.

В XVII столетии, когда в Московии стали уделять большее внимание деревоземляным укреплениям, Соловецкая крепость воспринималась современниками уже как некое чудо. Повторить его считалось невозможным. Одну из легенд о необыкновенной крепости Соловецкого монастыря записал в середине столетия Павел Алеппский, сопровождавший антиохийского патриарха Макария, путешествовавшего по Руси: «*Говорят, что его стены громадны, неприступны и сложены из больших диких камней; рассказывают, что эти святые* (Зосима и Савватий. — *В.Б.*) *заставили работать дьяволов над сооружением монастырских стен. По этой же причине они изумительны по своей необыкновенной прочности, и люди описывают их с удивлением*» (*Алеппский П.*, 1888, с. 126).

Крепость Соловецкого монастыря как неординарный памятник прошлого обратила на себя внимание путешественников и ученых еще в середине XVIII столетия. Ее величие воспел М.В. Ломоносов в поэме «Петр Великий» (*Ломоносов М.В.*, 1959, с. 706).

В 1752 г. капитан Я.Я. Мордвинов, приплывший на Соловки, оставил одно из первых, хотя и кратких описаний необычной крепости: «*Крепость с башнями, и в оных множество пушек, наподобие старинного строения каменных городов, а в стены и башни складен камень дикий, нетесанный, а только под верх стены уравнивано кирпичем; как башни, так и стена покрыты тесом*» (*Мордвинов Я.Я.*, 1888, с. 16).

В 1772 г. Соловецкую крепость осмотрел и более подробно описал географ, действительный член Петербургской Академии наук Иван Лепехин, путешествовавший по северу России: «*Крепость сия, хотя по древнему роду укрепления строена, однако может почесться в числе важных древних укреплений. Представляет она вид неправильнаго осьмиугольника; на каждом углу возведена круглая башня с тройными бойницами, из коих первыя составляют зубцы, другия круглыя окна ниже зубцов, третьи равным образом круглыя окна в некотором отстоянии от основания башен, в старину подошвенным боем называемыя; при них внутри сделаны помосты для постановления орудий. Как башни, так и стены складены большею частию из диких нетесаных камней, между коими есть камни отменной величины; и сие ясно показывает, что и в те времена облегчительныя пособия довольно были известны. Верхняя часть стен, или лучше сказать зубцы, складены из кирпича отменной твердости; ибо оной и по сие время не осыпается; раскаты же стен и верхи башен покрыты кровлею, так как во всех древних наблюдаемо было укреплениях; для безопасности пущенных вверх и оттуда ниспадающих стрел*». И.И. Лепехин обратил внимание на вооружение крепости рубежа XVI–XVII вв. и на Оружейную палату, которая в то время располагалась под ризницей при Переходах. Он впервые, опираясь на сведения соловецких летописцев, назвал имя зодчего крепости — соловецкий постриженик, монах Трифон, который скончался на Соловках[2] (*Лепехин И.И.*, 1805, с. 68–69; 1822, с. 440–442).

Затем в 1789 г. на Соловках побывал А.И. Фомин, позиционирующий себя как «*архангельский именитый гражданин, санкт-петербургской Императорской Академии Наук корреспондент, член Вольного Экономического общества*». Крепость произвела на него сильное впечатление. Он составил ее краткое описание, близкое к бытовому восприятию: крепость «*имеет фигуру продолговатую пятиугольную, и чертежом точно подобится большому стакану с плоскоконусною крышкой*»; она «*представляет редкое и поражающее диво и есть странное произведение грубой натуры, неправильного зодчества и естественной, в высоком, степени механики*». «*Благоговейное удивление*» у путешественника вызвал размер отдельных камней, имеющих длину более трех маховых сажень и, «*по чаятельному уважению*», весивших более 500 пудов. А.И. Фомин перечислил названия всех башен и ворот крепости, ознакомившись с планом монастыря, составленным в 1790 г. якобы советником Олонецкого правления Арсеньевым, привел размеры прясел и башен (*Фомин А.И.*, 1797, с. 93–100). Впрочем, авторство плана вызывает сомнение, поскольку выполнить

[2] Данное описание крепости содержит досадную опечатку: с разницей в сто лет ошибочно названа дата окончания строительства крепости — 1694 г.

чертеж мог только профессиональный инженер, полное имя и отчество которого нами установлено — Яков Васильевич Васильев.

К концу XVIII — первой четверти XIX столетия относится появление рукописи первого исторического сочинения, почти целиком посвященного укреплениям Соловецкого монастыря. Его автор — инженер-подпоручик Васильев, был прислан в 1790 г. на Соловки с группой офицеров и военной командой для подготовки крепости к обороне в связи с возможными военными действиями со Швецией. Он явно имел доступ к монастырской библиотеке, где хранились соловецкие летописцы и жития соловецких святых. Занимаясь непосредственно инженерной подготовкой крепости к защите, Васильев написал краткий очерк истории монастыря и крепости, составил отчет о состоянии вооружения и готовности обители к обороне. Он также подготовил записку для командования с обоснованием тактики обороны с указанием расстановки солдат по стенам и башням, дал перечень оружия, включая устаревшее, хранившееся в Оружейной палате. Гораздо позже, в середине 1820-х гг., для вступившего на трон императора Николая I Васильев оформил записи и разрозненные документы 1790 г. в рукописную книгу и включил в нее иллюстрации — географические карты Белого моря и Соловецкого архипелага, детальные планы крепости в двух ярусах, развертки всего фасада прясел и башен, рисунки видов крепости со стороны Святого озера и морской бухты. По своему характеру сочинение инженера-подпоручика Васильева можно с полным основанием назвать первым историческим трудом о Соловецкой крепости и о Соловецком монастыре. Надо полагать, что рукопись Васильева изначально не предполагалась быть изданной хотя бы по соображениям военной цензуры. Не предназначалась она и для широкого круга лиц. Два ее экземпляра ныне хранятся в архивах Москвы (*Васильев, 1790*) и Санкт-Петербурга (*Васильев, 1825*)[3].

На следующий, 1791 г., Соловецкий монастырь, окруженный крепостью, посетил отставной секунд-майор П.И. Челищев, который в своем дневнике оставил краткую запись: «*...стена, что вокруг монастыря, сделанная на подобии крепости, с восьми башнями из дикаго камня*». Чуть больше внимания он уделил Оружейной палате (*Челищев П.И.*, 1886, с. 41).

Архимандрит Амвросий заимствовал описание Соловецкого монастыря и крепости из изданных ранее книг, в частности А.И. Фомина, включая восприятие плана крепости («*внешней ограды*») как «*большого стакана с плоскоконусной крышкой*» (*Амвросий*, 1810, с. 381–438), что укоренится в историографии XIX в. Аналогично и К.С. Молчанов при описании крепости многое скомпилировал из книг И.И. Лепехина и А.И. Фомина (*Молчанов К.С.*, 1813, с. 276–278, 319). Таким же путем пошли архимандриты Макарий (*Макарий*, 1825, с. 39–46, 77–78) и Досифей[4]. Но последний впервые представил историю создания крепости и дал очерк обороны Поморья, в котором Соловецкому монастырю была отведена ведущая роль. Он привел сведения соловецкого летописца XVIII в., а также использовал многочисленные неизвестные документы, хранившиеся в монастырском архиве. Досифей перечислил все элементы крепости: башни, ворота, «*стеновые проходы*» (*Досифей*, 1833, с. 47; 1836, ч. 1, с. 85, 256–258).

Не обошел вниманием Соловецкую крепость известный историк русского оборонного зодчества Ф.Ф. Ласковский, который в 1858 г. издал план крепости, привел чертежи разреза Прядильной башни, фасады Корожной и Успенской башен, разрез стены по Рыбным воротам и по первой печуре подошвенного боя к северу от Прядильной башни. Он также назвал общие размеры Соловецкой крепости: длина до 500 саженей, высота от 3 до 4 саженей. Ф.Ф. Ласковский перечислил состав

[3] Год, указанный в литературе курсивом, указывает на исторический рукописный архивный источник. См.: Материалы исторических архивов.

[4] В литературе имеется утверждение, что автором данного труда является не Досифей, а учитель Ново-Борисовского приходского училища Василий Воскресенский, сосланный на Соловки «*за богохульство после наказания кнутом*». Он отсидел 10 лет, а после был оставлен при монастыре. Им была составлена опись монастырского архива и написаны три тома «Истории Соловецкого монастыря». Досифей же издал этот труд под своим именем (*Гернет М.Н.*, 1960, с. 280).

вооружения в 1592 г. и, исходя явно из малого количества пушек, высказал мнение, что в башнях нижний ярус предназначался для орудий, а прочие — для ружейной обороны (*Ласковский Ф.Ф.*, 1858а, л. 18; 1858б, с. 133–134).

Значительно расширили представления о крепости, ее внешнем облике и планировке многочисленные гравюры с видами Соловецкого монастыря, изданные в 1881 и 1884 гг. известным собирателем графики Д.А. Ровинским (*Ровинский Д.А.*, 1881; 1884). Он был родоначальником исследований о русской гравюре; его даже называли Геродотом истории русской гравюры (*Голлербах Э.*, 1923).

В конце XIX столетия вышла книга «История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря» архимандрита Иоанникия, во многом повторившая известные уже общие сведения о крепости. Она впервые была иллюстрирована фотографиями, выполненными Я.И. Лейцингером, с видами крепости из смотрового фонаря Корожной, Белой и Архангельской башен, а также Пристенка (*История*, 1899). К началу XX в. относится фотоальбом того же мастера (*Альбом*, б. г.)[5].

В 1916 г. на Соловках побывал известный императорский фотограф С.М. Прокудин-Горский, сделавший первые цветные снимки монастыря, включая крепость[6].

После революционных событий 1917 г. наступил чрезвычайно трудный период в изучении Соловецкой крепости. В 1920 г. монастырь был упразднен, на его базе образован совхоз. А в 1923 г. после грандиозного пожара, когда выгорел почти весь монастырь, в том числе участок западного прясла крепости с Прядильной (Стратилатовской) и Успенской башнями, а также Пристенок, на Соловках обосновался концлагерь, или Соловецкие лагеря особого назначения (СЛОН); с 1936 г. — Соловецкая тюрьма особого назначения с «изящной» аббревиатурой СТОН. В этот период — летом 1922 г. и в августе 1923 г. — памятники монастыря обследовал архитектор-реставратор П.Д. Барановский. Вместе с двумя своими учениками В.В. Кратюком и А.А. Карповым он провел обмер Белой башни и Сушила. В его архиве долгое время хранились необнародованные кроки поярусных планов башни, ее разреза, а также уникальные фотографии послепожарного состояния Успенской башни, в которой ранее находился монастырский музей оружия (*Соловецкий монастырь*, 2000, с. 84–89, 117–118).

В 1927–1929 гг. была предпринята попытка продолжить изучение крепости в рамках Соловецкого общества краеведения (СОК), работавшего при концлагере. Однако отсутствие под рукой научной библиотеки, архивных источников и неподготовленность его членов к научной работе привели к крайне низкому уровню трудов. Прежние проработанные чертежи и детально выполненные обмеры сменили примитивные рисунки. Взамен четких дореволюционных фотографий башен в тюремной типографии издавались блеклые невыразительные изображения. Популярные публикации тех лет закрепили в литературе неверное представление, будто Головленкова тюрьма находилась в Белой башне. Эту башню с тех пор стали ошибочно именовать Головленковой (*Иванов А.П.*, 1927б).

В 1927 г. историк А.А. Савич, опираясь на изданные источники и находившиеся в его руках материалы монастырского архива, случайно оказавшиеся в Перми в годы Гражданской войны, вписал историю обороны Поморья в XVI–XVII вв. в контекст общей истории Соловецкого монастыря (*Савич А.А.*, 1927, с. 55–79).

После значительного перерыва, в 1945 г., появилась работа, возобновившая интерес к памятникам Соловецкого монастыря. М.В. Щепкина в рукописи кандидатской диссертации осветила проблему изображений монастыря и крепости на древнерусских миниатюрах. Она прозорливо предположила, что Белая башня была поздней, ее пристроили к Сушилу (*Щепкина М.В.*, 1945), что почти 30 лет спустя

[5] В наше время снимки Я.И. Лейцингера неоднократно переиздавались (*Скопин В.В.*, 1994; *Лейцингер Я.И.*, 2005).

[6] Фотографии С.М. Прокудина-Горского представлены на сайте библиотеки Конгресса США: htttp://www.log./pictures/collection/prok.

подтвердили натурные исследования архитекторов-реставраторов О. Д. Савицкой и В. В. Сошина.

В 1953 г. организацией «Военморпроект-27» в практических целях впервые была обмерена вся крепость Соловецкого монастыря (*Ансамбль* рук., 1953)[7]. В 1956 г. появился небольшой очерк о роли Соловецкого монастыря в обороне Поморья в XVI в., написанный на основе архивных данных (*Белов М. И.*, 1956, с. 90–92).

Новый этап в изучении крепости начался в конце 1950-х гг., когда с Соловецкого монастыря постепенно стал сниматься гриф секретности. Первую послевоенную статью о монастырских постройках, вышедшую в 1958 г. и написанную архитекторами П. Н. Максимовым и И. Я. Свирским, можно назвать этапной. Она положила начало многолетнему исследованию этого выдающегося памятника зодчества (*Максимов П. Н., Свирский И. Я.*, 1958, с. 111–126). Автор раздела о крепости И. Я. Свирский, сделавший схематические обмеры Корожной башни и впервые приведший планы всех ее четырех ярусов и ее параметры, тем не менее допустил ряд серьезных ошибок и неточностей. Например, не учитывая наросший слой мусора, он писал, что фундамент западного прясла составляет 2–3 м. Центральный кирпичный столб, располагающийся на первом ярусе Корожной башни, был принят им за характерную черту интерьера всех башен Соловецкой крепости XVI в.[8]

Последнее утверждение было опровергнуто в 1972 г. В. В. Косточкиным, который сослался на чертежи инженера-подпоручика Васильева 1790 г. Сопоставив планы XVIII и XIX вв., исследователь доказал, что единственный сохранившийся столб в Корожной башне — на самом деле поздний. Однако В. В. Косточкин допустил другую ошибку. Исследователь утверждал, что все башни Соловецкой крепости глухие, хотя среди них было три проходных и одна проездная (это впоследствии отметила О. Д. Савицкая). На основании летописцев Соловецкого монастыря XVI в. он, наконец, уточнил также дату начала строительства каменной крепости — 1582 г., а не 1584, как об этом сообщали все без исключения публикации (*Косточкин В. В.*, 1972, с. 33–34).

Разного рода ошибочные высказывания о крепости Соловецкого монастыря содержались и в начавших выходить с 1960-х гг. популярных изданиях о Соловках. В блестяще написанных книгах действительного члена Географического общества Г. А. Богуславского утверждалось, что крепостные стены вообще не имели подошвенного боя, отрицалось изначальное шатровое покрытие на башнях, давались курьезные объяснения происхождению названий отдельных башен и т. д.

Однако публикуемые в них исторические сведения о крепости возродили в стране огромный интерес к данному памятнику после многих лет забвения (*Богуславский Г. А.*, 1968; 1971; 1978).

В 1960-е и в начале 1970-х гг. к изучению истории Соловков и крепости Соловецкого монастыря подключились историки. Вышли в свет фундаментальные работы профессора Архангельского пединститута Г. Г. Фруменкова. Исследователь, подобно летописцу, ввел в оборот значительный историко-архивный материал XVI–XIX вв., систематизировал и восстановил многие, казалось, утраченные страницы из прошлого монастырской крепости. Он впервые создал целостное историческое полотно, повествующее о монастыре-воине, защитнике Севера (*Фруменков Г. Г.*, 1963; 1975).

В 1962 и 1965 гг. был дважды издан обмерный чертеж 1790 г. части крепости Соловецкого монастыря, выполненный инженером-подпоручиком Васильевым, из фондов Научно-исследовательского музея Академии художеств (г. Ленинград)[9] (*Русская архитектура*, 1962; 1965, с. 36). В 1969 г. был издан черно-белый фотоальбом о Соловках

---

[7] Упоминание рукописи и года указывает на современную документацию. См.: раздел «Источники. Рукописные материалы архивов госучреждений».

[8] И. Я. Свирский считал, что «*этот столб с опирающейся на него круглой деревянной стойкой диаметром 1,1 м, которая сохранилась в пределах второго яруса, должен был поддерживать шатровую кровлю башни*» (*Максимов П. Н., Свирский И. Я.*, 1958, с. 116).

[9] Чертеж издан в 1965 г. без комментариев в черно-белом варианте в разделе «Репродукции». А до этого в 1962 г. в каталоге экспозиции истории русской архитектуры он был приведен с аннотацией: «*Соловецкий монастырь. Фасады фрагментов крепостных стен с Никольской и Успенской башнями* (*постр.*

в серии «Памятники древнерусского зодчества». В нем приводились фотографии башен, ворот, стен крепости (*Соловецкие острова*, 1969, с. 2–27, 47, 49). Тогда же вышел альбом художника Г.М. Манизера с видами монастыря, включая крепость, с предисловием П.А. Тельтевского (*Манизер Г.М.*, 1969, с. 10, 11, 23–42, 57–58, 63–66; *Тельтевский Т.А.*, 1969, с. 6, 12–21). Немногим ранее вышла статья, известившая о создании Соловецкого музея-заповедника (*Вереш С.В.*, 1967, с. 206–210).

Новый материал о Соловецкой крепости исследователи получили в ходе реставрационных работ, начатых в середине 1950-х гг. В 1955–1959 гг. обследование памятника и разработку проектов его восстановления осуществляли А.В. Воробьев и В.И. Курлов — сотрудники Центральных научно-реставрационных мастерских Академии строительства и архитектуры СССР (ЦНРМ, г. Москва). В 1960–1984 гг. данными работами руководила О.Д. Савицкая, а в 1984–1992 гг. — В.В. Владимирская. При этом в 1968 г. организация была сначала переименована в Научно-исследовательские проектные мастерские Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината Министерства культуры СССР (НИПМ ВПНРК), а в 1980 г. — во Всесоюзное специализированное реставрационное производственное объединение «Союзреставрация» (В/О «Союзреставрация»). Весомый вклад в натурную реставрацию и исследование крепости Соловецкого монастыря в 1970-х — начале 2000-х гг. внес архитектор-реставратор В.В. Сошин, работавший с 1974 г. в ВПНРК под руководством О.Д. Савицкой, В.В. Владимирской, а в 1990-е гг., после развала производственного участка, создавший на Соловках Научно-исследовательский и проектно-производственный кооператив (НИППК) «Палата».

В 1961 г. А.В. Воробьев и О.Д. Савицкая составили акты технического осмотра зданий, включая крепость. В документе приводилась общая характеристика и описание памятников монастыря (*Воробьев А.В., Савицкая О.Д.* рук., 1961а, л. 1–37). По характеру это первая и единственная подробная опись Соловецкой крепости XX в.

В указанные годы был создан значительный банк данных обо всех памятниках Соловецкого монастыря, который представлен в архиве ЦНПРМ четырьмя тысячами единиц хранения, включая материалы о крепости — обмеры башен и прясел, натурные исследования, проекты реставрации. Многое из данной документации было передано в научный архив Соловецкого музея-заповедника, выступавшего в роли заказчика реставрационных работ. Отдельно следует упомянуть подборки архивных материалов, начатые в 1956 г. В.И. Курловым (*Курлов В.И.* рук., 1956; рук., 1959б). Затем изучение архивных источников о соловецкой архитектуре возглавила О.Д. Савицкая, придававшая этой работе большое значение и привлекшая специалистов (*Савицкая О.Д.* рук., 1964; рук., 1968; рук., 1969; рук., 1970а; рук., 1975а; *Савицкая О.Д., Скопин В.В.* рук., 1971б; рук., 1972; рук., 1979; *Скопин В.В.* рук., 1972; рук., 1975; рук., 1979; рук., 1981а; б; *Савицкая О.Д., Буров В.А.* рук., 1976в; *Буров В.А.* рук., 1976д; *Владимирская В.В.* рук., 1981; 1982). С использованием архивных материалов были написаны исторические справки о Соловецкой крепости (*Савицкая О.Д., Скопин В.В.* рук., 1971а; *Скопин В.В.* рук., 1971; *Буров В.А.* рук., 1977а; рук., 1977б). На основании гравюр и исторических чертежей В.А. Буров выполнил подборку индивидуальных изображений всех башен и ворот крепости и составил справку о каждой части крепости (*Буров В.А.* рук., 1976г).

Итог архитектурного изучения Соловецкой крепости подвел сборник 1980 г. «Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов» под редакцией академика Д.С. Лихачева. В очерке об архитектуре Соловецкого монастыря руководитель проекта архитектор-реставратор О.Д. Савицкая впервые дала подробное описание композиционной структуры крепости, организации входов в башни и подъема на крепостную стену, конструкции ворот, печур подошвенного боя и бойниц верхнего ряда. Ею был опубликован план Соловецкого монастыря по состоянию на 1950-е гг. на уровне двух ярусов крепо-

---

в 1584–1594 гг. мастером Трифоном). *Обмер инж.-подпоручика Васильева* (*начало XIX в.*). *Тушь, акв. 28×44,4.* [*А-20558*]».

сти, стереообмеры стен и башен Б.Н. Рахманинова. Статья была иллюстрирована прекрасными, но немногочисленными (15 шт.) черно-белыми снимками крепости, выполненными сотрудником ЦНРПМ, профессиональным фотографом А.И. Петуховым (*Савицкая О.Д.*, 1980, с. 43–129). В том же сборнике первый директор Соловецкого музея С.В. Вереш проанализировала эволюцию облика Соловецкого монастыря на гравюрах XVIII–XIX вв. (*Вереш С.В.*, 1980, с. 205–230), а искусствовед М.И. Мильчик уделил внимание изображениям на иконах монастырского комплекса, включая деревянный острог и сменившую его каменную крепость (*Мильчик М.И.*, 1980, с. 231–267). Д.С. Лихачев написал о военном значении монастыря в XVI–XIX столетиях (*Лихачев Д.С.*, 1980, с. 22–37).

В вышедшей в 1985 г. научно-популярной книге о Соловецком монастыре А.Д. Домашнев и Т.Н. Дроздова посвятили небольшой раздел крепости. Это в основном пересказ известных и зачастую ошибочных сведений (*Домашнев А.Д.*, *Дроздова Т.Н.*, 1985, с. 51–75). Ряд устаревших данных из этой публикации закрепился в литературе вплоть до наших дней (*Казаринов В.М.*, 2002, с. 372–379; *Казаринов В.М.*, *Прямицкий С.Д.*, 2005, с. 44–50).

В это же время историк искусства В.В. Скопин сделал важное открытие. На основании сведений Вкладной книги Соловецкого монастыря он установил ранее неизвестные имена и фамилии зодчих крепости — Ивана Михайлова и монаха Трифона — Кологривов. В.А. Буровым были приведены новые дополнительные доказательства даты начала строительства крепости — 1582 г. (*Буров В.А.*, *Скопин В.В.*, 1985, с. 58–70; *Скопин В.В.*, 1991, с. 64–65).

В 1996 г. вышла статья Н.В. Ломакина о холодном оружии Соловецкого монастыря из фондов Музея артиллерии (г. Санкт-Петербург). Основу данного собрания составили предметы, вывезенные с Соловков Н.Е. Бранденбургом в 1876 г. для создающегося в столице Российской империи музея артиллерии (*Ломакин Н.В.*, 1996, с. 324–328; *Кирпичников А.Н.*, 1995, с. 29–33).

В середине 1990-х гг. были подготовлены материалы о типах бойниц верхнего боя крепости (*Брагина И.Г.*, *Коробейник И.Г.*, *Петровская Л.А.* рук., 1996). К сожалению, они так и остались неизданными. Историк С.В. Морозов предложил парадоксальную, мы бы сказали, абсурдную идею — рассматривать Соловецкую крепость прежде всего как сакральный, а не военный объект, как символ духовной мощи иноческой твердыни (*Морозов С.В.*, 1999, с. 225–234). В 2000 г. вышла небольшая заметка В.П. Даркевича о Соловецком монастыре, в которой в разделах «Неприступная цитадель», «Соловецкое сидение», «Крепость и тюрьма» были приведены известные данные о соловецкой фортификации. При этом ошибочно отмечалось, что при Филиппе Колычеве наблюдалось «*почтительное отношение к царской семье, покровительствующей "государевой крепости" на Студеном море*» (*Даркевич В.П.*, 2000, с. 108–112)[10].

Реставрационным работам сопутствовали предварительные археологические исследования. В 1961–1962 гг. «*в связи с задачами реставрации и необходимостью выведения некоторых памятников бывшего Соловецкого монастыря из аварийного технического состояния*» начались архитектурные раскопки. «*Отрывка шурфов производилась только в том объеме, в каком это было необходимо для выявления гидрологических условий — в большинстве случаев до появления в шурфах воды*». «*Во многих местах глубина заложения шурфов делалась незначительной в пределах насыпного слоя, границы и подошва фундаментов не определялись из-за наличия в шурфах валунных выкладок или высокого уровня грунтовых вод*». Были заложены шурфы в Пристенке (3 шт.), у прясла между башнями Корожной и Успенской (1 шт.), в Архангельской башне (2 шт.) (*Савицкая О.Д.* рук., 1965). Работа была продолжена в 1970 г. Шурфы копались на объектах:

[10] При этом повторенная наша идея о государевом богомолье в Соловецком монастыре (*Буров В.А.*, 1997а, с. 121–126) была хронологически необоснованно увязана с крепостью, хотя при игумене Филиппе на Соловках крепости еще не было! Филипп покинул монастырь в 1566 г., уехав на митрополию, а первый деревянный острог был поставлен лишь спустя 13 лет, в 1578–1579 гг.

прясло между Прядильной (Стратилатовской) башней и баней (2 шурфа), прясло между Успенской и Прядильной башнями (2 шурфа), прясло между Корожной и Успенской башнями (1 шурф), прясло между Никольской башней и Пристенком (2 шурфа), Пристенок (4 шурфа) (*Савицкая О.Д.* рук., 1970б).

В 1968 г. ленинградский археолог А.Н. Кирпичников осуществил первые профессиональные археологические исследования на территории монастыря в Архангельской, Корожной и Успенской башнях. Был применен магнитометр (*Кирпичников А.Н., Шилик К.К.*, 1969, с. 25–26; 1972, с. 45–46). По показаниям прибора в Архангельской башне был заложен шурф, в котором на глубине 0,8 м были обнаружены два чугунных пушечных ствола XVII в. Эти стволы оказались редкими образцами типового литья. По форме и размерам они стандартные: их общая длина 229 см, калибр 9,4–9,5 см. На торельных поясках выбиты цифры «1540». Другое чугунное орудие длиной 287,5 см и калибром 11 см было обнаружено на глубине 0,5 м в Корожной башне. По соседству с ним лежало 400 ядер диаметром 5–13,5 см. А.Н. Кирпичников отметил, что найденные пушки по своим измерительным данным и отделке совпали с теми, которые значатся в описи соловецкого оружия 1676 г. как «*проломные чугунные в станках на колесах*». Исходя из этого, исследователь пришел к выводу, что данные орудия использовались во время знаменитого Соловецкого восстания 1667–1676 гг. Была осуществлена расчистка 15 сохранившихся на Соловках стволов, включая найденные. Почти на каждом из них оказались надписи, чаще всего с обозначением веса и калибра, а в одном случае года отливки — 1702 г. А.Н. Кирпичников отметил, что «*культурный слой вырос со времени основания монастыря на несколько метров и может содержать в себе интересные находки*» (*Кирпичников А.Н., Шилик К.К.* рук., 1968, л. 3–4; рук., 1971, л. 1–2; 1969, с. 25–26; 1972, с. 45–46). Три года спустя раскопки были продолжены. В отчете исследователь отмечал: «*Всего в Соловецком кремле уцелело до 16 орудийных стволов и более 400 ядер, что позволит создать (например, в Никольской башне) специальную "пушечную" экспозицию. В музее "Коломенское" сохранился почти целый средневековый деревянный крепостной лафет, который мог бы послужить типовым образцом для документально точного воссоздания лафетов соловецких "музейных" пушек*» (*Кирпичников А.Н., Шилик К.К.* рук., 1971, л. 1–2; 1972, с. 45–46). В 1974 г. К.К. Шилик предложил музею-заповеднику проект деревянного лафета для установки пушки. В пояснительной записке он писал: «*Лафет нужного типа удалось разыскать в музее "Коломенское". <...> Предлагаемый проект лафетов был выполнен мною на основе именно этого лафета. В XVII в. этот тип лафета назывался "станок на колесах". Он просуществовал почти без изменений до середины XIX в. как лафет для корабельных орудий. Станок этот попал в музей "Коломенское", судя по аннотации, из Сумского острога и относится, так же как и соловецкие стволы, к XVII в.*» (*Шилик К.К.* рук., 1974а, л. 1; рук., 1974б). Лафет был воссоздан и в настоящее время представлен в экспозиции Белой башни.

С 1970-х до начала 1980-х гг. археологи строго в рамках задания архитектора-реставратора О.Д. Савицкой с целью выяснения мощности и характера слоя для проекта вертикальной планировки, а также изучения фундаментов зданий продолжили закладку шурфов рядом с крепостью непосредственно на территории монастыря. В 1971 г. Е.А. Толмачев фиксировал шурфы у прясла между Стратилатовской башней и монастырской баней (*Толмачев Е.А.* рук., 1971)[11]. В 1974 и 1975 гг. Н.В. Сапожников копал шурфы у прясел от Святых ворот до Стратилатовской башни, между Стратилатовской и Белой башнями, между Архангельской башней и Пристенком (*Сапожников Н.В.* рук., 1974; рук., 1975). В 1976–1978 гг. В.А. Буров заложил 6 шурфов между Стратилатовской башней и Сушилом, Святыми воротами и при входе в Стратилатовскую башню (*Буров В.А.* рук., 1976а; рук., 1978; рук., 1979). В одной из бойниц подошвен-

[11] В 1971 г. Толмачев у крепости лишь фиксировал шурфы, отрытые до него. Как сказано в предисловии его отчета, им «*было расчищено девять шурфов, выкопанных у различных зданий монастыря под руководством архитекторов О.Д. Савицкой и Т.А. Кольцовой в 1970 г.*» (*Толмачев Е.А.* рук., 1971, с. 3).

ного боя на Мельничном дворе автору впервые удалось археологически зафиксировать конструкцию деревянной платформы под пушку конца XVIII в., а также стратиграфически доказать позднюю дату кирпичного столба 1-го яруса Корожной башни[12] (*Буров В.А.*, 1977, с. 10; 1978, с. 9; 1984а, с. 513–515; 1984б, с. 82–102).

В эти же годы инженер Г.Б. Бессонов в двух шурфах обследовал участок между Корожной и Успенской башнями на месте засыпанного камнями русла древнего ручья (*Бессонов Г.Б.* рук., 1980). В 1980 г. П.М. Алешковский заложил 8 шурфов в Пристенке и один у прясла крепости между Пристенком и Архангельской башней (*Алешковский П.М.* рук., 1980). В 1981 г. В.А. Понсов в связи с реставрацией снимал верхний слой в Белой башне и копал два шурфа в Квасоваренной и Поваренной башнях Пристенка (*Понсов В.А.* рук., 1982).

В последующие годы раскопки уже не были связаны с реставрацией. В 1988 и 1989 гг. археолог Соловецкого музея-заповедника А.Я. Мартынов и ленинградский археолог А.Н. Рябцев изучали напластования вне стен крепости в траншее у Белой башни. Была также расчищена засыпанная мусором тюрьма Корожня, размещавшаяся в специальной внутристенной камере северного прясла вплотную к одноименной башне (*Мартынов А.Я.* рук., 1989; рук., 1990).

В 1996 г., после длительного перерыва, археологические исследования крепости возобновил отряд Института археологии РАН (ИА РАН) под руководством автора. В течение четырех полевых сезонов изучался северный сухой ров (три траншеи и шурф), была раскопана Головленкова тюрьма, находившаяся внутри восточного прясла к северу от Архангельской башни. В соседней печуре подошвенного боя к северу от тюрьмы была выявлена деревянная платформа под пушку 1790 г. прекрасной сохранности. В шурфах и траншеях с внешней стороны северного и восточного прясел нами велись наблюдения за стратиграфией и фундаментом крепости (*Буров В.А.* рук., 1996; рук., 1997; рук., 1999; рук., 2000; его же, 1997б, с. 26–27; 1999, с. 15–16; 2000б, с. 183–193; 2000в, с. 14; 2001б, с. 9–10).

В 2001 г. по решению директора музея-заповедника М.В. Лопаткина была создана постоянно действующая Соловецкая (средневековая) археологическая экспедиция (ССАЭ) Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника (СГИАПМЗ) при участии Института археологии РАН (руководитель — к. и. н. В.А. Буров). Помимо основного объекта — руин келий возле Успенской башни — наша экспедиция исследовала Архангельские и Рыбные ворота крепости, паперть при Святых воротах, несколько печур подошвенного боя. В последних обнаружились остатки неизвестного ранее типа дощатого настила. В шурфах последующих лет к югу от Архангельских ворот, вблизи Стратилатовской, Успенской, Корожной, Никольской башен были раскрыты основания прясел с целью уточнения первоначальной высоты стен и наличия фундамента. Изучались также остатки валунного откоса, прикрывавшего западные ворота Сушила. В процессе раскопок музейная коллекция обогатилась предметами вооружения: стволами пищалей, фрагментами пушки и пистолета, бердышами, ядрами, гранатами (*Буров В.А.* рук., 2003; рук., 2005; рук., 2007; рук., 2014; рук., 2015).

Параллельно с нашей экспедицией с 2005 г. на Соловках стал работать отряд Отдела охранных раскопок ИА РАН под руководством М.Е. Ворожейкиной. По трассе коммуникаций, прокладываемых с западной стороны крепости, была собрана представительная коллекция предметов вооружения — кованые стволы пищалей, ядра, гранаты, шрапнель, стрелы (*Ворожейкина М.Е.* рук., 2005; рук., 2006). В 2014 г. ею была продолжена шурфовка в связи с подготовкой проекта реставрации крепости по заданию Министерства культуры РФ.

В 2006 г. для выставки «Наследие Соловецкого монастыря», открывшейся в Архангельске в залах Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера», сотрудник СГИАПМЗ С.Б. Балан подготовила

[12] Раскопки в Корожной башне велись по заданию директора Соловецкого музея-заповедника Л.В. Лопаткиной.

каталог вооружения, хранящегося в фондах музея-заповедника. В каталог вошли 23 предмета, переданные в 1960-х гг. из музеев Москвы и Ленинграда, Архангельского областного краеведческого музея, случайно найденные в ходе земляных работ на территории Соловецкого монастыря, а также выявленные в ходе археологических раскопок последних лет. В 2013 г. тем же автором был издан более полный каталог, включивший 121 предмет (*Балан С.Б.*, 2006, с. 141–156; 2013).

В эти же годы мы подготовили комментированное издание документов об оружейной казне Соловецкого монастыря XVI–XVIII вв. и публикацию писем архимандрита Александра (Павлoвича) о военных событиях на Соловках 1854–1855 гг. (*Буров В.А.*, 2004, с. 79–91; 2005а, с. 53–104; 2006г, с. 42–119). В другой нашей работе изучение крепости было определено как одно из важных направлений археологических исследований Соловков (*Буров В.А.*, 2006а, с. 7–10; 2006в, с. 391–398; 2016а, с. 477–488).

Событием в 2005 г. стала монография архитектора-реставратора О.Д. Савицкой «Соловецкая крепость (Архитектура и реставрация)». Ею был подведен итог многолетних натурных исследований памятника, уделено первостепенное внимание описанию архитектурно-строительной системы крепостного комплекса, внутренней структуры и конструктивных особенностей сооружений. В книге на основании обмерных чертежей середины 1950-х — начала 1990-х гг. изданы превосходно выполненные графически планы стен и башен, их фасады, поперечные и продольные разрезы башен (29 шт.)[13]. Дана типология бойниц верхнего боя. 64 фотографии иллюстрируют внешний вид крепости и ее отдельные элементы; впервые опубликованы две архивные фотографии рубежа XIX–XX столетий. Монография О.Д. Савицкой включила некоторые сведения архивных источников об отдельных участках Соловецкой крепости. В специальном разделе изложена краткая история реставрации крепости. В приложении дан перечень из 97 графических материалов из архивов ЦНРПМ и СГИАПМЗ, использованных автором при описании крепостных сооружений (*Савицкая О.Д.*, 2005)[14]. За данным сравнительно небольшим трудом стоит колоссальная многолетняя работа.

После выхода обстоятельного архитектурного исследования О.Д. Савицкой о Соловецкой крепости особенно остро стала ощущаться потребность в аналогичной обобщающей работе по истории и археологии памятника. Это тем более актуально, что значительная часть материалов раскопок крепости не издана, а за прошедшие 40 лет после выхода капитального исторического труда Г.Г. Фруменкова выявлены новые письменные свидетельства о крепости. Для известных источников потребовался более глубокий анализ. Остался не проработан детально графический материал с изображением башен, ворот и стен крепости, не описана подробная история каждого структурного элемента крепости[15]. До сих пор не представлена история архитектурно-археологических обмеров памятника. Необходимо полностью издать и прокомментировать рукопись инженера-подпоручика Васильева конца XVIII — начала XIX в., содержащую интереснейший материал о подго-

[13] Графическая работа выполнена И.Г. Брагиной.

[14] К сожалению, в данную работу вкрались описки, в некоторых случаях приводятся ошибочные или противоречивые сведения по истории крепости. Например, утверждается, что каменная Соловецкая крепость «*построена на месте ранее существовавших деревянных укреплений в 1552–1625 гг.*» (с. 4). Монах Феоктист во время «Соловецкого сидения» якобы открыл «*скрытый проход под крепостной стеной, через который осаждавшие проникли в Кремль*» (с. 4). На самом деле он указал воеводе Ивану Мещеринову на заложенную кирпичом нижнюю бойницу в Сушиле. Чертежи Васильева относятся не к XVII в. (с. 15), а к XVIII столетию. Именовать Белую башню Головленковой (с. 26) неверно, так как данное название появилось в конце 1920-х гг., во время концлагеря; оно неисторическое. Паперть у Святых ворот была разобрана не в 1970 г. (с. 27), а в 1977 г. План 1-го яруса Архангельской башни был издан зеркально.

[15] Предварительная работа с обобщением сведений о каждом прясле крепости, каждой башне, всех воротах с подборкой исторических изображений башен и ворот была выполнена автором еще в 1976 г. (*Буров В.А.* рук., 1976г). Этот труд не был издан. В 1975–1977 и в 1996–1997 гг. О.Д. Савицкая, В.А. Буров, В.В. Сошин строили планы написать коллективную монографию — комплексное архитектурное, историко-археологическое исследование крепости Соловецкого монастыря. Но эти замыслы остались нереализованными в силу ряда причин объективного и субъективного характера.

товке крепости к обороне в 1790 г., заодно уточнить биографию этого замечательного военного инженера. Возникла также потребность суммировать материалы археологических раскопок платформ под пушки и иных деревянных настилов в бойницах подошвенного боя, исследований тюремных помещений внутри крепостных стен, фундаментов стен и башен, сухих рвов.

Для выяснения авторства Ивана Михайлова и Трифона Кологривова требуется проведение комплексного историко-архитектурного анализа крепости. До сих пор не осуществлена детальная фотографическая фиксация Соловецкой крепости, без которой невозможно подробно ознакомиться со всеми элементами этого великого фортификационного сооружения позднего Средневековья — башнями, воротами, прясламы, печурами, бойницами. Подробно не перечислены параметры отдельных частей крепости. До сих пор не был даже поставлен вопрос о количестве использованного при строительстве материала — валунов и кирпича, что важно для понимания организации строительного дела. Некоторые из перечисленных проблем мы начали решать в последние годы (*Буров В.А.*, 2014, с. 80–101; 2015, с. 93–105; 2016б, с. 76–86).

Настоящая монография о каменной крепости Соловецкого монастыря призвана систематизировать, скорректировать, расширить и последовательно изложить наблюдения и выводы, к которым автор пришел за время работы по соловецкой тематике в 1975–1978, 1996–2017 гг.

Книга, безусловно, поддержит интерес к крепостным сооружениям и вооружению Древней Руси, особенно остро наметившийся в последние десятилетия (*Кузьмина Н.Н.*, *Филиппова Л.А.*, 1989, с. 544–551; 1997; *Артемьев А.Р.*, 1990, с. 264–270; *Михайлов А.А.*, 1995; *Яковлев В.В.*, 1995; *Агафонов С.А.*, *Агафонова И.С.*, 1996, с. 158–159; *Мильчик М.И.*, 1997, с. 13–63; *Мильчик М.И.*, *Коляда М.И.*, 1997, с. 175–181; *Немировский Е.А.*, 1997; *Чернова О.В.*, *Чернов С.М.*, 1997, с. 64–85; *Мильчик М.И.*, 1998, с. 26–33; *Артемьев А.Р.*, 1999; *Беляев Л.А.*, 1999, с. 11–13; *Бирюков Ю.Б.*, 1999, с. 115–126; *Бусева-Давыдова И.Л.*, 1999, с. 10–11; *Кирпичников А.Н.*, 1999, с. 127–142; *Кремли России*, 1999; *Чернышев М.Б.*, 1999, с. 67–68; *Кирпичников А.Н.*, 2000; *Косточкин В.В.*, 2000; *Мазуров А.Б.*, 2001, с. 467–492; *Казаринов В.М.*, 2002; *Мильчик М.И.*, 2002, с. 109–117; *Мильчик М.И.*, *Попова Л.Д.*, 2002; *Попова Л.Д.*, 2002, с. 85–94; *Кремли России*, 2003; *Кузьмичев А.П.*, *Аверченков И.А.*, 2003; *Модестов Ф.Э.*, 2003; *Моргунов Ю.Ю.*, 2003; *Носов К.С.*, 2003; *Иванов Ю.Г.*, 2004; *Иванова О.Ю.*, 2004; *Беляев Л.А.*, 2005; *Казаринов В.М.*, *Прямицкий С.Д.*, 2005; *Шишов А.В.*, 2005; *Мокеев Г.Я.*, 2006, с. 385–389; *Власов А.С.*, *Элькин Г.Н.*, 2007; *Квасневич В.*, 2007; *Крепости-тюрьмы*, 2007; *Моргунов Ю.Ю.*, 2007; *Мильчик М.И.*, 2008; *Носов К.С.*, 2008а, с. 161–176; 2008б, с. 5–32; *Носов К.С.*, *Зарощинская Н.О.*, 2008, с. 174–196; *Мазурова Н.Б.* 2009, с. 147–177; *Моргунов Ю.Ю.*, 2009; *Носов К.С.*, 2009а, с. 5–32; 2009б; 2009в, с. 122–132; 2009г; *Степанов Ю.В.*, 2009; *Гостев И.М.*, 2012, с. 6–33; *Крепости*, 2012; *Носов К.С.*, 2013; *Гостев И.М.*, *Давыдов Р.А.* 2014; *Гостев И.М.*, 2016, с. 14–19; *Мазуров А.Б.*, 2015; *Лопатин Н.В.*, 2016; *Богомазова А.А.*, *Володихин Д.М.*, 2018 и др.)[16]. Прямым свидетельством такого интереса в нашей стране является создание в 2009 г. некоммерческой научной организации — Центра изучения истории фортификации (ЦИИФ), который проводит конференции и выпускает ежегодный научно рецензируемый альманах (*Вопросы истории фортификации*, 2010–2014).

Надеемся, что данная монография привлечет дополнительное внимание к шедевру отечественной и мировой архитектуры, требующему бережного отношения и возобновления научной реставрации, осуществлявшейся ранее архитекторами-реставраторами А.В. Воробьевым, В.В. Владимирской, В.В. Курловым, О.Д. Савицкой, В.В. Сошиным. Это стало особенно актуально в последние годы. Нелишне напомнить, что 14 декабря 1992 г. Комитет всемирного наследия ЮНЕСКО внес исторический ансамбль Соловецкого монастыря, включая крепость, в Список всемирного наследия. Тем самым «*утверждена исключительная и всемирная*

[16] Основная, но всё же не полная литература о древнерусских крепостях (565 наименований) приведена в книге К.С. Носова «Русские средневековые крепости» (М., 2013, с. 293–314).

ценность данного объекта культуры, который нуждается в защите ради пользы всего человечества», а 6 декабря 1995 г. Указом за № 1219 президента России Б. Н. Ельцина Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник внесен в государственный свод особо ценных объектов.

Комплексное историко-археологическое исследование крепости было осуществлено в Институте археологии РАН и Соловецком государственном историко-архитектурном и природном музее-заповеднике. Автор постоянно ощущал поддержку завотделом славяно-русской археологии ИА РАН д. и. н. А. В. Чернецова и заместителя директора по научной работе Соловецкого музея-заповедника к. и. н. А. Я. Мартынова. Считаю также своим долгом выразить запоздалую признательность Ольге Дмитриевне Савицкой за возможность работать в 1975–1978 гг. по соловецкой тематике, собирать сведения об истории монастыря, заниматься исследованиями в архивах и вести археологические раскопки. Я также благодарен В. В. Сошину за плодотворное научное общение на памятниках архитектуры Соловецкого монастыря, историку искусства В. В. Скопину, предоставившему копию плана Головленковой тюрьмы. Благодарю А. Я. Мартынова и Т. Л. Фокину, которые последовательно в 1996–1998 и 1999–2000 гг., занимая должность директора Соловецкого музея-заповедника, в период охватившего страну жесточайшего экономического кризиса, оказали Соловецкому отряду Института археологии РАН неоценимую организационную помощь. Также благодарю бывшего директора СГИАПМЗ М. В. Лопаткина, по инициативе которого в 2001 г. была создана Соловецкая средневековая археологическая экспедиция с участием Института археологии РАН. На протяжении ряда лет ее бесперебойная работа во многом была обеспечена сотрудницей Отдела реставрации и проектирования Т. В. Шиловой, осуществлявшей всю необходимую организационную работу, и, конечно, главной ударной силой на раскопках — Архангельским городским штабом школьников (АГШШ) во главе с В. Н. Дурневым и московским клубом «Рождественка». Всем помощникам и участникам раскопок моя огромная признательность.

Благодарю художника Н. Н. Скворцова, принявшего участие в оформлении ряда иллюстраций, фотографа Соловецкого музея-заповедника Ю. Б. Гендлина, выполнившего для книги 40 фотографий участков прясел крепости и предоставившего для книги виды монастыря с самолета, Т. В. Шилову, активно помогавшую в подборке документов научного архива Соловецкого музея-заповедника. Наконец, моя признательность В. В. Борисенко, постоянному помощнику в шурфовке крепости в 2013–2016 гг.

Отдельная благодарность коллегам Л. А. Беляеву, А. В. Лаушкину, А. В. Малову, А. Я. Мартынову, Вл. В. Седову, ознакомившимся с текстом рукописи и благосклонно к ней отнесшимся.

Глава 1. К истории каменной крепости Соловецкого монастыря

Предлагаемый краткий очерк ставит перед собой задачу дополнить основные вехи истории Соловецкой крепости новыми данными из неопубликованных или не привлеченных до сих пор письменных источников. Мы также намерены представить свое решение некоторых спорных вопросов в истории строительства крепости Соловецкого монастыря и обозначить ряд новых проблем.

1.1. Деревянный город 1578–1579 гг. — предвестник каменной крепости

Великий Новгород являлся «*северным стражем Руси*»; в XII–XV вв. он отстаивал свои рубежи от посягательств со стороны немецких рыцарей и шведских феодалов (*Алешковский М.Е.*, 1971; *Андреев В.Ф.*, 1989). Затяжные войны велись в Карелии с соседней Швецией. В это время в центре и на северо-западных границах Новгородской земли были возведены многочисленные каменные крепости (*Кирпичников А.Н.*, 1984).

На крайнем новгородском Севере, в Поморье, длительное время было спокойно, потому и крепостные сооружения там отсутствовали. Положение начало меняться в первой половине XV столетия, когда на волне расширения западной экспансии произошло два крупных столкновения норвежцев с поморами. Новгородская Первая летопись под 1419 г. сообщает о набеге «*мурман*» (норманнов, норвежцев) на Беломорье и Заволочье. Были разорены Карельский погост волости Варзуга на южном берегу Кольского полуострова, погосты Нёнокса, Яковля Курья, Киг-остров, Конечный, Кяр-остров, Хечинима, Андреянов берег, монастыри Николо-Карельский и Михаило-Архангельский. Однако местные жители сумели дать отпор: «*Того же лета, пришед Мурмане воиною въ 500 человекъ, в бусах и въ шнеках, и повоеваша въ Арзуги погость Корильскыи и в земли Заволочкои погосты: в Неноксе, в Корельскомъ манастырь святого Николы, Конечныи погостъ, Яковлю Кюрью, Ондреяновъ берегъ, Кигъ островъ, Кяръ островъ, Михаиловъ манастырь, Чиглонимъ, Хечинима; 3 церкви сожгли, а христианъ черноризиць посекле, и заволочане две шнеки Мурманъ избиша, а инии избегоша на море*» (*НПЛ*, 1950, с. 412). Эти же данные приводит и поздний источник — Летопись Двинская (*ПСРЛ*, т. 33, 1977, с. 7).

Следующий набег, согласно той же Новгородской Первой летописи, был совершен в 1445 г. Особенно пострадала Нёнокса: «*Того же лета приидоша Свея, Мурмане безвестно за Волокъ на Двину ратью, на Неноксу, повоевавъ и пожгоша и людеи пересекоша, а иных в полонъ поведоша. Услышавше то двиняне, придоша вборзе, иных иссекоша, а иных прислаша въ Новъгород с четыредесять; а воеводы ихъ, Ивора и Петра и третьего, убиша; инеи же, мало вметавшеся в корабли, отбегоша*» (*НПЛ*, 1950, с. 425–426). Данный эпизод оказался вне поля зрения историков. Но **именно в результате решительного пресечения иностранного вторжения Великим Новгородом в 1445 г., а не после 1419 г., как это принято считать** (*Фруменков Г.Г.*, 1975, с. 17)**, на Беломорье не было серьезных нападений до конца XVI столетия.**

В 1508 г. московский великий князь заключил мирный договор со Швецией, который затем подтверждался в 1513 и 1524 гг. В 1537 г. последовал новый договор (*Мюллер Р.Б.*, 1947, с. 45–46).

В эпоху царствования Ивана IV Грозного (1547–1584 гг.) спокойствие на Русском Севере было окончательно нарушено. В этот период Российское централизованное государство, стремясь расширить свои северные границы, вело непрерывные войны со странами Прибалтики. Крупнейшая военная кампания того времени — Ливонская война (1558–1583 гг.), начатая Москвой за выход к просторам Балтийского моря, не принесла ожидаемой победы, а наоборот, привела к полному поражению России в Ливонии. Это усугубило внутриэкономический кризис, подготовленный опричниной. Хозяйственное разорение страны в свою очередь стало прологом широкого наступления поляков и шведов на русские земли (*История СССР*, 1966, с. 181–182, 204–210).

Крупные планы строила и Швеция, которая намеревалась осуществить захват русского побережья Финского залива, лежавших вблизи побережья городов Ивангорода, Яма, Копорья, Орешка и Корелы с их уездами, а также большей части русского побережья Баренцева и Белого морей, Кольского полуострова, северной Карелии и даже устья Северной Двины с Холмогорским острогом. Цель — подчинить своему контролю все морские пути из России на Запад. Данные планы определены западной историографией как «*великая восточная программа*» шведского короля Иоанна III (*Шаскольский И.П.*, 1950, с. 7, 35; *История Швеции*, 1974, с. 166). Северные границы России в конце 1570-х гг. стали ареной ожесточенных сражений.

В 1571 г. в открытых водах Белого моря в «*голомяни*» против Соловецких островов появились «*немецкие*» корабли — соединенный флот Швеции, Гамбурга и Голландии (*Савич А.А.*, 1927, с. 557; *Белов М.И.*, 1956, с. 88–90), что оказалось полной неожиданностью для братии Соловецкого монастыря. Их обитель располагалась «*на море окияне, в пучине, в западной стране*» (*Арсеньев Ю.В.*, 1911, с. 14), вдали от населенных пунктов, на морском пограничном острове. Соловецкие монахи обратились за помощью к самому царю, направив ему грамоту (*ААЭ*, 1836, т. 1, № 301, с. 367).

В Москве за всем этим сразу увидели угрозу водному торговому пути из Европы в Россию, который проходил вокруг Скандинавии. Открытый в середине XVI в., этот путь в условиях затянувшейся Ливонской войны приобретал для государства всё большее значение, оставаясь единственной торговой трассой из Московии на Запад. Вот почему из столицы на Крайний Север царь Иван IV в спешном порядке направил боярского сына Семена Лупандина «*для учинения поиска над вышеупомянутыми кораблями*» (*Досифей*, 1833, с. 38).

Спустя семь лет, в 1578 г., соловецкий игумен Варлаам послал царю новое донесение, фрагмент текста которого сохранился лишь в пересказе: «*Хотят приходить к Соловецкому монастырю войною и на все Поморье свицкие немцы и амбурцы* (жители Гамбурга. — *В.Б.*)» (*АСМ*, 1990, с. 115). 2 августа того же 1578 г. Иван IV отправил ответ: «*...мы по тем вестем послали в Соловецкой монастырь Михайла Озерова, а с ним четыре человека пушкарей, десять человек стрельцов, да сто ручниц, да пять затинных пищалей, да с Вологды две пищали полуторных да две девятипядных, а к ним по двесте ядер да четыре человека пушкарей, а зелья ко всему наряду и к пищалям, и к ручницам сто пятнадцать пуд*» (*АСМ-2*, 1990, с. 115).

Так в Соловецкой обители появилось большое количество оружия, рассчитанного на стрелецкую сотню с приданной артиллерией. Как следует из той же царской грамоты, присланный военный отряд из 19 человек должен был укомплектоваться за счет местного поморского населения до сотни стрельцов и 14 пушкарей-затинщиков. Его численность вместе с Озеровым должна была возрасти до 115 человек. По сути, Михаил Владимирович занимал должность сотника, что закономерно. Установлено, что Озеров относился к громадной массе провинциальных детей боярских, был незнатного рода (*Богомазова А.А., Володихин Д.М.*, 2018, с. 9).

Царь также дал приказ Михаилу Озерову возвести на Соловках деревянный острог. Само слово «острог» в грамоте упорно повторяется шесть раз: «*А велели Михайлу, приехав на Соловки, сделати острог около Соловецкого монастыря <...> а сделав острог и башни, велели ему по острогу и по башнем наряд изставити*

и людей по острогу, и по башнем, и по воротам росписать». Иван Грозный отдал Озерову распоряжение: «*А нечто придут немецкие люди к Соловецкому монастырю, и Михайлу велели естя быти в остроге и делом нашим промышляти о всем по нашему наказу, чтоб дал бог Соловецкого монастыря от немецких людей уберечи. А будет мочно, и мы велели Михайлу из острогу на немецких людей приходить и над немецкими людми промышлять, посмотря по тамошнему делу, а без указу ему из Соловецкого монастыря выезжати не велели есмя*» (*АСМ-2*, 1990, с. 115; *Белокуров С.А.*, 1888, с. 59, № 2359).

На основании даты написания самого документа (2 августа 1578 г.) напрашивается вывод, что царские стрельцы с московским воеводой впервые прибыли на Соловки в лучшем случае в конце августа или в начале сентября. Однако это противоречит сведениям приходно-расходной книги 1577–1578 гг., согласно которым до Озерова какие-то московские стрельцы уже находились на Соловках. Монастырская приходная книга заканчивается на 43-м листе июньскими записями 1578 г., а на более раннем, недатированном 37-м листе, имеется первое упоминание о стрельцах: «*Стрелец Оксен дал за труды 8 алтын 2 денги*» (*ПРК 1577–1579 гг.*, л. 37; *Приходо-расходные книги*, с. 134). Далее встречаются и другие имена первых защитников Соловецкого монастыря: «*Первуша Панкратьев сын стрелец московской дал по родителех 30 алтын 5 алтын. Взято по Федоре по Алексееве сыне по стрельце по московском 5 рублев <...> Авъксентей да Филип Карповы дети, стрельци московские, дали по родителех 15 алтын*» (*ПРК 1577–1579 гг.*, л. 40 — 41 об.; *Приходо-расходные книги*, с. 135). Следовательно, запись о стрельцах должна относиться по крайней мере к маю, а то и апрелю 1578 г. Из этого напрашивается вывод, что **уже в конце весны 1578 г. на Соловки из Москвы был спешно направлен небольшой отряд стрельцов для охраны обители**. А позже, когда стала ясна вся сложность ситуации на Севере, в монастырь послали Михаила Озерова с приказом строить острог и наладить его оборону.

В литературе называются две даты возведения Соловецкого острога: 1578 и 1579 гг. Первую признают М.Н. Тихомиров, В.В. Косточкин, Д.С. Лихачев, Г.Г. Фрименков, В.В. Скопин (*Косточкин В.В.*, 1972, с. 34, прим. 8; *Лихачев Д.С.*, 1980, с. 22; *Скопин В.В.*, 1991, с. 17; *Скопин В.В., Щенникова Л.А.*, 1982, с. 52; *Тихомиров М.Н.*, 1962, с. 269; *Фрименков Г.Г.*, 1975, с. 19). Вторую называют архимандрит Мелетий, П.Ф. Федоров, Б.И. Дунаев, А.А. Савич, Г.А. Богуславский, И.А. Бартенев (*Бартенев И.А.*, 1969, с. 4; *Богуславский Г.А.*, 1978, с. 50; *Дунаев Б.И.*, 1914, с. 6; *Мелетий*, 1881, с. 173; *Савич А.А.*, 1927, с. 55; *Федоров П.Ф.*, 1889, с. 173). В двух работах Досифея встречаются порознь обе даты (*Досифей*, 1833, с. 39; 1836, с. 77). М.И. Белов отмечал, что в 1578 г. острог стал строиться, а в 1579 г. он был построен (*Белов М.И.*, 1956, с. 90–92). К схожему выводу пришел и М.И. Мильчик (*Мильчик М.И.*, 2008). Как видим, время возведения деревянного острога на Соловках нуждается в уточнении.

Появление ранней даты находит объяснение из текста грамоты Ивана IV от 2 августа 1578 г. Вместе с тем, древнейший Соловецкий летописец конца XVI — XVII в. отмечает: «*В лето 7087-го <...> Того же году зачали на Соловках делати город деревянной*» (*Корецкий В.И.*, 1981, с. 239; *СЛ-1 XVI в.*, л. 212 об.).

Лето 7087-е — это 1 сентября 1578 — 31 августа 1579 г. До 1-го сентября 1578 г. никакого строительства острога на Соловках не велось; его «*зачали делати*» лишь после указанной даты. Можно предположить, что к возведению деревянного Соловецкого острога приступили осенью 1578 г., однако это опровергает последовательность событий, изложенных в том же летописце XVI в.: «*Игумен Варлаам ездил в Новгород и к Москве. Того же году убили Михаила Озерева. Того году зачали на Соловках делати город деревянной*» (*Корецкий В.И.*, 1981, с. 239). К строительству острога на Соловках приступили после поездки Варлаама в Новгород и в Москву и после смерти сотника Озерова. Досифей отмечает, что Озеров погиб в начале 1579 г., когда «*каянские немцы*» (жители северной Финляндии. — *В.Б.*) разорили Кемскую волость.

Разорение Кемской волости, судя по данным приходной книги 1579 г., действительно состоялось именно в том же году, так как эта книга начинается

с записи 26 января 1579 г., а уже на листе 6 об. (запись явно февральская) отмечено: «*Взято по стрельце по московском по Григорье, что с Михайлом убили с Озеровым, 7 рублев*» (*ПРК 1579–1581 гг.*, л. 6 об.; *Приходо-расходные книги*, с. 150). Чуть более поздняя по времени и недатированная запись расходной книги 1579 г. сообщает о службе на сороковой день и по Озерове: «*Дано по сыне боярском по Михайле по Володимерове сыне Озерова на сорокоусть 20 алтын*» (*ПРК 1579–1581 гг.*, л. 78 об.; *Приходо-расходные книги*, с. 180). Через десять листов говорится уже о поездке игумена Варлаама в Новгород и в Москву: «*Игумен Варлам поехал в Новгород ко государю с святою водою*» (*ПРК 1579–1581 гг.*, л. 87; *Приходо-расходные книги*, с. 184). Поскольку сын боярский Михаил Владимирович Озеров был убит в феврале 1579 г., то поминальную службу по нему — сорокоуст — должны были совершать 40 дней, по март включительно. И следовательно, игумен Варлаам должен был отбыть в Новгород по крайней мере в конце мая, т.е. с началом навигации. В таком случае **начало строительства деревянного острога приходится на летний период 1579 г.** Примечательно также, что в одном из соловецких летописцев конца XVI в. после сообщения о поездке Варлаама в Москву сказано: «*Того ж году зачат на Соловках делать* ***город деревянной*** (здесь и далее выделено нами. — *В.Б.*)» (*СЛ-2 XVI в.*, л. 212 — 212 об.), а в расходной книге того же года сделаны две записи: «*Михайлу Малому дано 5 рублев, послал его игумен Варлам к Москве о монастырских нужах,* ***о городе*** *и о стрельцах*»; «*Нанято казаков на лето до Покрова Святей Богородицы 70 человек с однемь человеком. Найму дано имь 70 рублевь 3 рубля 15 алтын 2 денги*» (*ПРК 1579–1581 гг.*, л. 88, 92; *Приходо-расходные книги*, с. 184, 186). С нашим выводом вполне согласуются сведения более поздней царской грамоты 1584 г.: «*...острог соловецкий устроили монастырьскою казною*» (*АСМ-2*, 1990, с. 220, № 881).

Теоретически, да и чисто практически зимой 1578–1579 гг. монастырь под надзором Озерова мог проводить только подготовительные работы, связанные с заготовкой леса. Традиционно этим занимались именно зимой. Зимняя древесина высокого качества. При этом бревна можно было легко доставить по зимнику. Мы полагаем, что на Соловках вполне мог быть применен метод сборного строительства. Суть его — предварительная подгонка и маркировка бревен с последующей сборкой сооружения на месте (*Носов К.С.*, 2013, с. 108). Только так можно было обеспечить высокие темпы работ.

Само же строительство деревянного укрепления должно приходиться на июнь–сентябрь и осуществляться силами наймитов (по-северному, казаков) на монастырские деньги до начала сентября 1579 г. Таким образом, **вопреки широко распространенному в литературе мнению, возвести Соловецкий острог при рано погибшем воеводе Михаиле Владимировиче Озерове не могли.** Грамота Ивана IV от 2 августа 1578 г. сообщает только о царском решении строить вокруг Соловецкого монастыря острог. Она вовсе не говорит, что острог уже строится.

Г.А. Богуславский первым поставил под сомнение начало строительства острога на Соловках при Михаиле Озерове, указав при этом на не дошедшую до нас грамоту 1579 г. «*об острожном деле*», которая была послана из Москвы новому воеводе Семену Юреневу. Документ этот, как отметил исследователь, упомянут в описи монастырского архива 1676 г. На его основании он и сделал вывод, что в 1579 г. именно Семен Юренев «*поставил*» на Соловках деревянный острог (*Богуславский Г.А.*, 1978, с. 50).

Однако в указанной описи о данной грамоте говорится: «*Грамота государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси 7087-го году к Семейке Юреневу об острожном деле*» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 407 — 407 об.). В указанный год 1579-й правителем был Иван Грозный, а не его сын Федор. Надо полагать, грамота не имела даты, и в 1676 г. составитель описи грамот, знавший о возведении Соловецкого острога в 1579 г., привязал к этой дате имена Семена Юренева и Федора Ивановича, фигурировавшие в документе. Между тем московский стрелецкий сотник Семен Юренев, по свидетельству источников в 1590 и 1592 гг., действительно пребывал на Севере с отрядом войск. Именно в это время должен был чиниться Сумский острог, о чем будет сказано ниже. Следова-

тельно, и Семен Юренев не мог возводить Соловецкий деревянный острог. Его явно строил иной московский воевода. Кто именно — на этом остановимся позже.

Что же представляло собой первое фортификационное сооружение на Соловках? Для ответа на данный вопрос необходимо обратить внимание на сам термин «*острог*» грамоты Ивана IV 1578 г., который подразумевает особое сооружение, противопоставляемое башням и воротам: «*...а сделав острог и башни, велели ему по острогу и по башнем наряд изставити и людей по острогу, и по башнем, и по воротам росписать*». Совершенно очевидно, что слово «*острог*» здесь применяется в своем первом значении: частокол, палисад из заостренных сверху бревен, плотно пригнанных друг к другу и вбитых (или врытых) в землю (*Сл. РЯ XI–XVII вв.*, 1987, с. 159). То есть речь идет только о стенах. Ивану Грозному деревянная крепость вокруг Соловецкого монастыря представлялась состоящей из башен, между которыми располагалась стена из заостренных бревен (острог), и в этой стене имелись ворота. Но иконописные изображения этой крепости позволяют утверждать, что она значительно отличалась от первоначально задуманного и предписанного свыше облика.

М. И. Мильчик опубликовал две иконы с видом обители Зосимы и Савватия до постройки каменной крепости. Исследователь датировал их первой половиной XVII в., хотя совокупность представленных строений явно указывает на конец XVI столетия. Мы наблюдаем отсутствие надвратной Благовещенской церкви (1596–1600 гг.), каменной трехшатровой звонницы начала 1600-х гг., наличие еще деревянных, а не каменных Переходов 1602 г. Да и Успенская церковь при Трапезной палате еще не обзавелась вторым приделом (1605 г.).

Изографы конца XVI в. представили два варианта деревянной стены, окружавшей монастырь. На иконе из собрания Государственных музеев Московского Кремля показана столбовая конструкция из бревен, в пазы которых горизонтально уложены бревна или плахи. Сверху стена покрыта двускатной кровлей. Такая конструкция называлась «забором в столбы» (ил. 7: *1*).

На иконе из Духовной академии стена рубленая (ил. 7: *2*). Как замечает М. И. Мильчик, она состоит «*из тарасов-клетей* (*видны выпуски поперечных бревен*)» с расположенными треугольником бойницами. В стене имеются Святые ворота с двумя проемами для пеших и конных (*Мильчик М. И.*, 1988, с. 342, рис. на с. 318–319). Второй тип ограды исследователь отметил также и на клейме 15 житийной иконы Зосимы и Савватия последней четверти XVI в. из Государственного Русского музея. Такой же тип ограды, только менее четкий, присутствует и на 16-м клейме той же иконы (ил. 8) (*Мильчик М. И.*, 1980, рис. 2–3 на с. 236–237).

Устойчивость изображения внешней ограды монастыря не в виде частокола, а в виде примыкающих друг к другу клетей с окнами-бойницами и позволяет считать ее наиболее достоверным изображением западной стены именно деревянного острога 1579 г.

На иконах мы не наблюдаем острожных башен. Таковых могло и не быть. В данном случае следует говорить об имевшей место серьезной корректировке планировки первой деревянной крепости Соловецкого монастыря. Данный вывод подтверждает приводившаяся уже выше запись в приходо-расходной книге 1579 г.: «*Михайлу Малому дано 5 рублевь, послал его игумен Варлам к Москве о монастырскых нужах, **о городе** и о стрельцах*» (*ПРК 1579–1581 гг.*, л. 88; *Приходо-расходные книги*, с. 184). Как видим**, игумен Варлаам поставил перед царем вопрос о возведении на Соловках не острога, а «*города*»**, т. е. более надежного укрепления. Выше мы уже приводили две выдержки из Соловецкого летописца и расходной книги конца XVI в., где первое укрепление на Соловках названо «*городом деревянным*» и просто «*городом*». То, что **в 1579 г. был изменен первоначальный план возвести именно острог, под которым подразумеваются обычно частокольные стены из заостренных бревен с башнями**, подтверждает и текст самого письма с Соловков царю Федору Ивановичу 1584 г. **Монахи прямо называют первое оборонительное сооружение вокруг Соловецкого монастыря не острогом, а городом**: «*поставлен около Соловецкого монастыря город деревянной, а ставили монастырем и монастырьскими крестьяны*».

Впрочем, допустимость внесения изменений в план острога явствует из текста самого послания Ивана Грозного от 2 августа 1578 г. игумену Варлааму: «*А велели Михайлу, приехав на Соловки, сделати острог около Соловецкого монастыря, поговоря с тобою, богомолцем нашим, и со всей братиею,* ***каков пригоже*** *<...> А ты б, богомолец наш Варлам, с Михайлом с Озеровым нашим делом острожным промышлял съобча, чтоб острог около Соловецкого монастыря вскоре зделати*» (*АСМ-2*, 1990, с. 115). То есть Озеров должен был возвести острог, который был «*каков пригоже*» для монастырской братии, и возводить его следовало вместе с братией. Мы же теперь, после осуществления многолетних археологических раскопок на территории Соловецкого монастыря, прекрасно знаем (и братии это также было известно), что на Соловках **вкапыванию частокольной ограды сильно препятствовал местный грунт**. Под песком на небольшой глубине сразу залегает крайне плотная серая супесь, с огромным трудом поддающаяся копке. К тому же она была насыщена валунами, что сильно мешало бы ставить в одну линию острог из ряда заостренных бревен. Понадобилось бы много усилий на изъятие валунов из грунта.

Город могли возводить только из привозного на остров леса, поскольку к 1550 г. на Соловках уже не оставалось своего строевого леса, использованного на строительство келий, и его стали завозить из Усть-Колежмы, согласно грамоте, данной монастырю Иваном Грозным (*Буров В.А.*, 2005б; 2010; 2011а). Укрепление требовало большого количества бревен. Для сравнения: только для более малого Сумского острога в 1643 г. при намерении «*высечь бревенного и тесового лесу сорок тысяч дерев*» сумели заготовить их лишь 30 тыс. (*Копии грамот 1742 г.*, л. 294 — 294 об.).

Деревянный «*город*» 1579 г. с самого начала отставал от запросов времени, так как не мог противостоять огневой артиллерии. **Надо полагать, что деревянную оборонительную стену рассматривали как экстренную меру — лишь как первый этап соловецкой фортификации до создания каменной крепости.** Именно потому всего через два года на третий на Соловках, как сказано в грамоте царя Федора Ивановича, стали строить «*от приходу свитцих людей для зажогу город каменной*» (*ААЭ*, 1836, т. 1, № 323, с. 383–385**).**

С появлением на Соловках деревянного города началась история монастыря как военного укрепления. Г.Г. Фруменков справедливо определил его как «*пограничную военную крепость*» (*Фруменков Г.Г.*, 1975, с. 19**).** Подобно другим русским монастырям, Соловецкая обитель заняла свое место в системе обороны Московского государства (*Ильин М.А.*, 1944). И всё же осталось неясно, при каком воеводе в 1579 г. был возведен деревянный Соловецкий город.

1.2. Деятельность в Беломорье детей боярских — Андрея Загряжского и Киприана Оничкова

Сотник, сын боярский Михаил Владимирович Озеров был похоронен в 1579 г. в Соловецком монастыре[1]. После его смерти Иван IV направил на Соловки Андрея Загряжского. Тот, согласно вкладной книге, в лето 7087-е (1579 г.) привез в монастырь пожалованные царем три затинных пищали и пуд с четвертью пороха (*Книга 1536–1600 гг.*, л. 15 — 15 об.) — Приложение 1.

Досифей сообщает, что в 1579 г. Загряжский набрал из монастырских волостей 100 человек и обучил их «*исправной стрельбе*» (*Досифей*, 1833, с. 39). **Это позволяет считать Загряжского также стрелецким сотником.** Между тем источник данных

[1] На имевшемся к югу от Спасо-Преображенского собора белокаменном надгробии Михаила Озерова указана дата погребения — 1575 г. Плита, видимо, принадлежит близкому родственнику или была уложена гораздо позже, вследствие чего искажена дата (*Буров В.А.*, 2001а, с. 132–134). В настоящее время плита хранится в фондах Соловецкого музея-заповедника, а на ее месте оставлена грубая копия.

сведений неизвестен. Его имя не называют ни актовые грамоты Соловецкого монастыря, ни Соловецкий летописец конца XVI в. Тем не менее расходные книги Соловецкого монастыря в последних записях (явно августовских) за этот год действительно фиксируют наем в стрельцы, но только 24 человек. Деньги платил монастырь: «*Нанято десять человек в стрельцы*: *Онанью Федорова, да Иякова Колтовского, да Петра Прозоровского с товарищи. Найму дано им на десять человек пятнатцать рублев на лето. Да в стрельцы же нанято 14 человек*: *Бухарю сумлянина, да Мурзу из Вирмы, да Игнашу пермитина с товарищи. Найму дано им на четырнатцать человек одиннатцать рублев дватцать алтын десять денег на лето*» (*ПРК 1579–1581 гг.*, л. 92 об., 93; *Приходо-расходные книги*, с. 186).

Последующая, сентябрьская запись подтверждает расходование монастырских средств на стрельцов, нанятых на год — с октября 1579 по октябрь 1580 г.: «*Нанято десять человек в стрельцы*: *Онанью Федорова да Петра Прозоровского с товарищи, от Покрова Святей Богородицы лета 7088-го на год до Покрова же Святей Богородицы лета 7089-го, а найму дано им дватцать рублев семь рублев с полтиною. Да в стрельцы же нанят Иванко Кондратов из Вирмы, найму дано на год два рубля*»(*ПРК 1579–1581 гг.*, л. 97; *Приходо-расходные книги*, с. 188).

О Загряжском мелькнула еще одна запись в приходо-расходных книгах. В 1579 г. он купил в монастыре шкурку песца: «*Продан мех песцовой сыну боярскому Ондрею Загрязскому, взято полтора рубля*» (*ПРК 1579–1581 гг.*, л. 26; *Приходо-расходные книги*, с. 158).

Расходная книга сообщает, что на Соловках Андрей Загряжский был с Киприаном Оничковым. Очевидно, они прибыли в монастырь вместе, а осенью 1579 г. выехали в Вирму с соловецкими монахами: «*Старцом Исаку крылошанину да Исидору дано 50 рублев, поехали в Вирму з детьми боярскыми на зиму, с Ондреемь з Загряскым да с Киприяном с Оничковым*» (*ПРК 1579–1581 гг.*, л. 91; *Приходо-расходные книги*, с. 186). Далее сведения об Андрее Загряжском обрываются.

Выяснено, что Андрей Васильевич Загряжский относился к «*доброму*» дворянскому роду, но не занимал крупные службы, служил сначала в чине жильца по Боровску с окладом 400–500 четвертей. На службах по боярским спискам он отмечен с 1588/1589 по 1604 г., а в 1601/1602 г. занимал пост воеводы в Стародубе (*Богомазова А.А., Володихин Д.М.*, 2018, с. 10).

Обращает на себя внимание тот факт, что время отбытия Загряжского совпадает со временем окончания возведения города на Соловках. Мы полагаем, что это не случайно. Именно боярский сын **сотник Андрей Загряжский и ставил первую соловецкую крепость после смерти сотника Михаила Озерова.** В таком случае становится объяснима причина присылки на Соловки двух военачальников. Очевидно, миссия Загряжского сводилась к осуществлению острожного строения на Соловках, найму стрельцов, обучению их военному делу, а Оничков прибыл как основной руководитель ведения боевых действий на Севере. Именно поэтому впоследствии на первый план и выдвигается Киприан Владимирович Оничков, оказавшийся в декабре в центре военных событий.

Соловецкий летописец конца XVI в. отмечает, что в лето 7088-е «*было дело у Киприяна у Оничкова с неметцкими людьми*» (*Корецкий В.И.*, 1981, с. 240). Похвальная грамота Ивана Грозного, адресованная лично Оничкову, уточняет характер событий и называет их дату — 24 декабря 1579 г.: «*Писал еси к нам, что в нынешнем 88-м году декабря в 24 день приходили немецкие свиские люди с Каянского на нашу украйну в волость Ругоозеро с три тысячи человек, и ты для немецких людей сделал острог, и немецкие люди к острогу приступали с нарядом, и с приметы, и с щиты три дни да три ночи, и ты с стрелцы, и с пушкари, и с охочими казаки, и с тутошними людми с немецкими людми в приступех и на вылазках на многих делех бились, убили у них немецких дву воеводок, и многих людей побили, и языки поимали, и щиты и самопалы у немецких людей многие поимали, и острог от немецких людей отстоял, и наши волости и монастырские от войны немецких людей все уберег, а тебя на тех делех ранили двожды, и нам то ведомо, а мы тобя жалуем*» (*АСМ-2*, 1990, с. 140, № 722). Досифей дополняет, что «*за сию знатную победу храбрый Оничков получил от великого государя достойную похвалу*» (*Досифей*, 1836, ч. 1, с. 83).

Уже в 1579 г. Киприан Оничков зарекомендовал себя как прекрасный организатор обороны Беломорья. Он не только организовал строительство острога в волости Ругозеро, но и умело осуществил его защиту, нанеся сокрушительное поражение шведам. Оничков значительно увеличил численность стрелецких войск на берегу. Расходная книга Соловецкого монастыря фиксирует в 1580 г. неоднократную передачу Киприану Оничкову денежных сумм на наем стрельцов, а также в долг: «*Сыну боярскому Киприяну Володимеровичю Оничкову дано 100 рублев денег с монастырских волостей за стрельцы. Да Киприяну ж Оничкову дано взаймы 30 рублев 1 рубль. Киприяну же дано 8 рублев за керецьких стрельцов с монастырских угодий*»; «*Послано с слугою с монастырским з Григорьем с Шушерою Киприяну Оничкову 10 рублев с монастырских с кемъских угодей за стрельцы*»; «*Слугам монастырским Ивану Батраку, да Якову Колтовскому, да Михалку Резвому дано им 6 рублев денег, послали их на службу на берег к Киприяну к Оничкову*» (*ПРК 1579–1581 гг.*, л. 112 — 112 об., 115 — 115 об.; *Приходо-расходные книги*, с. 194–195).

Одновременно приходная книга того же года свидетельствует о покрытии Киприаном Оничковым части долга: «*Да Мисайло же привез государского жалования Киприяну Оничкову 6 рублев денег, и та 6 рублев взята в казну за долг, что на Киприяне долгу монастырского 30 рублев 1 рубль*». В тот же год «*сын боярской Киприян Оничков дал по родителех 3 рубля и 15 алтын, написати в сенаник*» (*ПРК 1579–1581 гг.*, л. 52 — 53 об.; *Приходо-расходные книги*, с. 169–170).

К весне 1581 г. деньги на содержание на берегу стрельцов, коих было в 1580 г. действительно 100 человек, закончились, и стрельцы ушли. Эта подробность выясняется из письма Ивана IV Оничкову от 31 июля 1581 г.: «*А которые стрелцы, сто человек, прибраны были у тебя в 88-мом году в августе, и те стрелцы были в остроге до сроку до весны, до полые воды, да розбрелися розно, потому что их покоити нечим*» (*АСМ-2*, 1990, с. 166, № 775).

Запись в расходной книге от 28 мая 1581 г. говорит о том, что монастырь сам решил исправить положение и дал Киприану Оничкову деньги на наем 50 стрельцов: «*Маия в 28 дни. По памяти за приписью Киприяна Оничкова наняты стрелцы Онанья с товарыщи, и всего пятьдесят человек, от Петрова заговейна да до Петрова же заговейна на год. И на полгоду на те стрелцы послано х Киприяну к Оничкову 100 рублев денег, а стрелцом имена писаны в памяти, и та память в казне*» (*ПРК 1581–1582а гг.*, л. 43 — 43 об.; *Приходо-расходные книги*, с. 221).

Для получения от монастыря денег Киприан специально приезжал на Соловки, где и составил указанную выше «Память». Запись в той же книге от 29 мая указывает на дату отбытия Киприана из монастыря и называет еще одного рядового защитника Русского Севера: «*Маия в 29 день. Ивану Неронову дана полтина, послан был на службу с Киприяном с Оничковым*» (*ПРК 1581–1582а гг.*, л. 43 об.; *Приходо-расходные книги*, с. 221).

На свои деньги Оничков нанял лазутчиков в стан врага. Монастырь эти деньги ему вернул, о чем была сделана в книгах запись 3 июля: «*Старцу Акакию дано 5 рублев, послан в волость Шую для того, что наймовал Кипреян Оничков охочих людей идти в Немцы и подмогу им давал*» (*ПРК 1581–1582а гг.*, л. 56 об.; *Приходо-расходные книги*, с. 225).

29 июля на берег в Суму, очевидно, на подворье, старцу Акакию были направлены деньги: «*К старцу Акакею послано 12 рублев с полтиною, а те ему денги дати Кипреяну Оничкову, у него взяти память за его приписью, а Киприяну те денги отдати в годовое жалованья стрелцом*» (*ПРК 1581–1582а гг.*, л. 62; *Приходо-расходные книги*, с. 226).

Обстановка на севере в 1581 г. вызывала у царя тревогу. «*Немцы*» разорили Лопские погосты, уничтожив лопарское население (*Мюллер Р. Б.*, 1947, с. 47). В грамоте от 31 июля 1581 г. Иван IV подтвердил свой прежний указ: «*...оберегати Соловецкой манастырь в летнее время от карабелного приходу немецких людей, а в зимнюю пору выезжати на берег и оберегати поморские волости Колы, Керети и Кандалакши и с ыными волостьми ис монастырских волостей от немецких людей приходу*». Иван Грозный требовал от Оничкова сведения разведывательного характера: «*А которых языков привели к тобе из немецкие земли, и ты тех языков про немецких людей умыш-*

ленье роспрашивал и пытками пытал, а без нашего указу казнить не велел, и нам бы тобе о том указ учинити <...> А на зиме бы еси по первому пути и сам ехал к нам на Москву побывати, и мы тобя сами розпросим» (*АСМ-2*, 1990, с. 166, № 775).

Однако Оничкову не суждено было свидеться с царем. Из записи в расходной книге о службе по нему сорокоуста впервые становится известно, что Киприан Оничков погиб в начале сентября 1581 г.: «*Сентября в 6 день. По Киприяне по Оничкове дано сорокоусту рубль и на погребанье. За те денги взято жито да овес*» (*ПРК 1581–1582б гг.*, л. 3; *Приходо-расходные книги*, с. 233). Какие-то деньги Оничков занимал у священника Аркадия: «*Корельскому священнику Аркадию дано 4 рубли и 16 алтын 4 денги за Киприяна за Оничкова*» (*ПРК 1585–1586 гг.*, л. 22 об.; *Приходо-расходные книги*, с. 279).

Обстоятельства смерти Оничкова неизвестны. Возможно, это был очередной конфликт с «*немцами*», поскольку 31 августа из Соловецкого монастыря в Сумскую волость вновь был направлен старец Акакий с важным поручением — начать возведение Сумского острога: «*Старцу Акакею дано 50 рублев, послан в волость в Суму острога делати, да ему ж коръмити стрелцов наемных 50 человек*». Именно этот старец и возглавил после боярского сына Киприана Оничкова оборону Сумы, а возможно, и всего Беломорья, на что указывает еще одна запись в той же книге под 12 октября: «*В волость в Суму с Ываном с Нероновым послано к старцу Акакею 75 рублев стрельцом в годовое жалованье*» (*ПРК 1581–1582а гг.*, л. 68, 68 об.; *ПРК 1581–1582б*, л. 5; *Приходо-расходные книги*, с. 228, 233).

Из приходо-расходных книг Соловецкого монастыря выясняется, что целый род Оничковых в конце 1570-х — 1580-е гг. активно участвовал в обороне Поморья. В 1581 г. погиб еще один Оничков: «*Ноября в 22 день. По Григорье по Оничкове сорокоусту дано 20 алтын*» (*ПРК 1581–1582б*, л. 5 — 5 об.; *Приходо-расходные книги*, с. 233). Под 1587 г. упоминается Андрей Оничков: «*Маия в 25 день. Приежжал в манастырь помолитись Ондрей Оничков, а ехал с Мурманского ис Колы, дал по родителех 5 рублев*»; в 1589 г. он уже стрелецкий голова в Новых Холмогорах (*ПРК 1587 г.*, л. 3; *Приходо-расходные книги*, с. 284; *Корецкий В.И.*, 1981, с. 242). И даже в XVII в. представители рода Оничковых появлялись на Соловках: 22 апреля 1614 г. в Соловецкий монастырь «*Захарей Василевич Оничков дал вкладу 50 рублев денег*» (*ПРК 1614–1617 гг.*, л. 4 об.). 24 мая 1660 г. в Пошлинную книгу Печатного приказа была занесена запись: «*Проезжая грамота по городам от Москвы до Соловецкого острова. Велено Александра Аничкова пропущать без задержания пошлин, пол-полтины взято*» (*Пошлинная книга 1660 г.*, л. 83).

Высказано предположение, что Киприан Оничков мог быть головой (*Богомазова А.А., Володихин Д.М.*, 2018, с. 14). Но это должность командира над пятью сотниками. Такого количества стрельцов в Поморье того времени просто не было. Другие сотники не указываются. **Надо полагать, Оничков также был сотником. Это максимальный ранг командира гарнизона деревянной Соловецкой крепости рубежа 1570-х — начала 1580-х гг.**

Источники не сообщают нам о месте погребения Киприана Оничкова. Между тем у южного фасада Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря рядом с белокаменным надгробием Михаила Озерова лежит белокаменная плита неизвестного, год смерти которого совпадает со временем гибели Киприана. Надпись плохо читается, но ее расшифровка позволила нам атрибутировать данное надгробие как принадлежащее именно Киприану Оничкову (*Буров В.А.*, 2006б, с. 259–261; 2013, с. 327, 328, ил. 33).

По данным Досифея, в 1582 г. на Соловки прибыл боярский сын Иван Иванович Онучин, «*коему сдан в ведение весь острожный монастырский снаряд*» (*Досифей*, 1836, ч. 1, с. 83). О нем почти ничего не известно. Приходо-расходная книга упоминает его в записи 1 мая 1583 г., когда он заплатил за свое пропитание в монастыре: «*Иван Иванович Онучин дал на стол денег три рубли*» (*Приходо-расходные книги*, с. 236).

В тот же год на Соловках приступили к сооружению каменной крепости. Это было сделано вовремя: в Финляндии была сосредоточена многочисленная шведская армия, включавшая наемников из Германии, Франции, Италии. В сентябре 1582 г. шведская армия дважды пыталась взять

Орешек на Неве, но безуспешно (*Скрынников Р.Г.*, 1975, с. 232). В том же 1582 г. датский король Фредерик II направил в Поморье флотилию для корсарской службы на морском пути. При этом чуть не пострадало голландское судно, едва спасшееся от датчан (*Куратов А.А.*, 1984, с. 6). Ранее, в 1581 г., Россия потеряла Нарву, а вместе с ней и «*нарвское плавание*», обеспечивавшее стране прямые торговые сношения с Западной Европой. Историки справедливо оценивают это как утрату морских ворот на Балтике (*Скрынников Р.Г.*, 1975, с. 59; *Флоря Б.Н.*, 2009, с. 407). Боязнь потерять Поморье, где активизировались шведы, а вместе с этим и морской торговый путь из Западной Европы заставила царя принять решение о массовом строительстве здесь оборонительных укреплений. В 1582–1583 гг. силами Соловецкого монастыря были возведены остроги на берегу в Суме (*АСМ-2*, 1990, с. 197, № 847; *Корецкий В.И.*, 1981, с. 240) и на Мурманском побережье — в Коле (*АСМ-2*, 1990, с. 197, № 881; *Косточкин В.В.*, 1958, с. 200–246). Получили укрепления и некоторые поморские села с находящимися в них монастырскими подворьями — Керецкое и Сороцкое (*Фруменков Г.Г.*, 1975, с. 22). В 1583 г. воздвигли деревянные крепостные стены Архангельска (*Мильчик М.И.*, *Попова Л.Д.*, 2002, с. 17; *ПСРЛ*, т. 33, 1977, с. 169). Создававшаяся на Белом море сеть оборонительных укреплений должна была обеспечить защиту северных границ Российского государства. В конце XVI — XVII столетии Соловецкому монастырю в силу своего географического положения, приближенности к западным границам и политико-экономического значения как центра Поморья суждено было занять в этой системе центральное место.

1.3. О дате строительства каменной Соловецкой крепости

В литературе закрепилась концепция, что каменную крепость строили на месте деревянного острога по мере разборки его отдельных участков (*Косточкин В.В.*, 1972, с. 33–38; *Скопин В.В.*, 1991, с. 64), однако некоторые факты говорят о том, что, если границы каменной крепости и деревянного города и совпадали теоретически, то явно не везде. Так, в конце XVII в. южный двор монастыря, где стояла мельница и амбары, назывался «**пригородком», т. е. пригороженным местом** (*Сл. РЯ XI–XVII вв.*, 1994, с. 137). Это мог быть пригородок, образовавшийся при возведении каменной крепости за счет расширения монастырской территории в примыкании к городу деревянному. Термин «*пригородок*» известен в сообщении 1674 г. Тогда южная часть монастыря подвергалась постоянному обстрелу войском Мещеринова, отчего возникала угроза сохранности провианта. И в указанный год келарь Маркелл пересыпал хлебные запасы «*из пригородка к Святым воротам в амбар*» (*Барсов Е.В.*, 1890, с. 60, 141).

Но самый главный аргумент — в сообщении о возведении каменной крепости использован глагол «*обложити*», т. е. поставить вокруг, окружить (*Сл. РЯ XI–XVII вв.*, 1987, с. 83–84). Отсюда следует, что первое деревянное укрепление было меньше второго каменного и, скорее всего, повторяло с некоторым отступом форму периметрической келейной застройки, т. е. было почти прямоугольное.

Длительное время исследователи упорно относили начало возведения каменной крепости Соловецкого монастыря к 1584 г., времени начала царствования Федора Иоанновича (*Молчанов К.С.*, 1813, с. 294; *Макарий*, 1825, с. 56; *Досифей*, 1833, с. 41; 1836, ч. 1, с. 84–85; *Руководитель*, 1864, с. 31; *Ключевский В.О.*, 1866–1867, с. 567; *Мелетий*, 1881, с. 86; *Федоров П.Ф.*, 1889; *Случевский К.К.*, 1897, т. 1, с. 257; *Колчин М.*, 1908, с. 8; *Дунаев Б.И.*, 1914, с. 7; *Иванов А.П.*, 1927, с. 10; 1927а, с. 47; *Савич А.А.*, 1927, с. 57; *Шаскольский И.П.*, 1950, с. 39; *Максимов П.Н.*, *Свирский И.Я.*, 1958, с. 113; *Тихомиров М.В.*, 1962, с. 269; *Фруменков Г.Г.*, 1963, с. 21; 1975, с. 20; *Богуславский Г.А.*, 1966, с. 48; *Бартенев И.А.*, 1969, с. 4; *Тельтевский П.*, 1969, с. 6, 19). При этом делались ссылки на Летописец Со-

ловецкого монастыря, изданный в 1790 г., труды архимандрита Досифея и грамоту царя Федора от 11 августа 1584 г. (*ААЭ*, 1836, т. 1, с. 383–384, № 323).

Действительно, изданный в конце XVIII в. Летописец Соловецкого монастыря под 1584 г. сообщает: «*По указу Великаго Государя Царя и Великаго Феодора Иоанновича обложен строить около Соловецкого монастыря город каменной в спасение от приходу немецких воинских людей*» (*Летописец*, 1790, с. 33–34). Эта дата была увековечена в надписи на мемориальной доске, установленной в прошлом столетии рядом со Святыми воротами монастыря: «*По указу Государя Царя и Великого Князя Федора Иоанновича построена кругом монастыря досель существующая крепость для защиты обители от нападения иноплеменников в 1584 году при 24-м игумене Иакове на монастырскую сумму, собранную с береговых монастырских вотчин...*» На сохранившейся плите надпись ныне читается с большим трудом.

Дата 1584 г. названа и в других известных соловецких летописцах XVIII в., хранящихся в архивах: «*В лето 7092 (1584 г.). Того ж года по указу великаго государя и царя и великого князя Феодора Иоанновича обложенъ строить около Соловецкаго монастыря городъ каменной во опасение от приходу немецких воинских людей, которой городъ строенъ монастырскою казною и крестьяны*» (*СЛ-1 XVIII в.*, л. 12 об.); «*В лето 7092 (1584 г.) <...> по государеву указу около Соловецкого монастыря обложен строить город каменной*» (*СЛ-2 XVIII в.*, л. 33 об.). 1584-й год фигурирует и в летописце 1814 г. (*СЛ 1814 г.*, л. 10 об.).

Однако эта датировка была пересмотрена В.В. Косточкиным, который привлек опубликованный М.Н. Тихомировым текст более древнего Соловецкого летописца XVI в. из собрания Отдела рукописей ГИМ. В нем под 1582 г. говорится: «*В лето 7090* [*1582 г.*] *<...> начали на Соловках делати город каменной*» (*Косточкин В.В.*, 1972, с. 34; *Тихомиров М.Н.*, 1951, с. 228). М.Н. Тихомиров отметил, что печатный отрывок тесно связан с Соловецким монастырем, записи его восходят ко времени, очень близкому к описываемым событиям и «*носят на себе черты современности*» (*Тихомиров М.Н.*, 1951, с. 219).

Другие архивные материалы подкрепляют вывод В.В. Косточкина. Можно указать еще три документа конца XVI — начала XVII в., где начало строительства Соловецкой крепости отнесено к 1582 г. Это прежде всего Летописец Соловецкого монастыря, сравнительно недавно изданный В.И. Корецким: «*В лето 7090-го (1581/1582 г.) <...> на Соловки приехал Иаков с Москвы от государя и начат делати на Соловках город каменной*» (*Корецкий В.И.*, 1981, с. 240; *СЛ-1 XVI в.*, л. 71 об.). Другой Соловецкий летописец этого же времени: «*Того ж году на Соловки приехал игумен Ияков от государя с Москвы, и зачатъ делати на Соловках город каменной, а в Сумской волости поставили острогъ*» (*СЛ-2 XVI в.*, л. 214 об.).

Важны и другие два документа 1583 г., непосредственно связанные со строительством крепости на Соловках. В расписке десятского Спиридона Михайлова от 4 февраля 1583 г. в получении разных налогов с владений Соловецкого монастыря в Луде говорится: «*Се яз десяцкой Спиридон Михайлов сын, взял у старца у соловецкого у Ферапонта по розрубному списку вполы на* ***городовое дело*** (здесь и далее выделено мною. — *В.Б.*), *и в посошные казаки, и в* ***городовые плотники****, и в земской разход двацать алтын и десять московок. Да в том ему и отпись дал...*» (*АСМ-2*, 1990, с. 204, № 850). Приведем отрывок из приходной книги, датируемой нами из последовательности записей примерно декабрем 1583 г. или январем 1584 г.: «*Михайло Горбатой, а в иноцех Меркурей, что* ***з башни*** *бревном убило, дал вкладу 2 рубля 6 алтын 4 деньги*» (*ПРК 1583–1585 гг.*, л. 30 об.; *Приходо-расходные книги*, с. 248). Это явное свидетельство того, что уже **в 1583 г. строительство Соловецкой крепости («*городовое дело*») активно велось: возводилась одна из башен, где трудились плотники.** Важно отметить, что плотники трудились зимой, ставя, вероятно, шатер. Но, пожалуй, самое главное свидетельство о строительстве в 1582 г. на Соловках каменной крепости нашел В.В. Скопин во Вкладной книге Соловецкого монастыря: «*С Вологды Иван Михайлов сын каменщик делал город каменной два года лета 7090 да 7091*» (*Буров В.А., Скопин В.В.*, 1985, с. 69; *Книга 1536–1600 гг.*, л. 162).

Надо отдать должное академику Ивану Лепехину, побывавшему в 1772 г.

в монастыре и отнесшемуся весьма осторожно к сообщению Соловецкого летописца конца XVIII в. о начале возведения крепости в 1584 г. «*В сем придании летопись Соловецкая не согласуется с повествованием покойного Михаила Васильевича Ломоносова*», — писал он. В подтверждение Лепехин привел отрывок из первой песни поэмы «Петр Великий» (*Лепехин И.И.*, 1805, с. 68; 1822, с. 439, прим. 1), где рассказывается о пребывании Петра I на Соловках:

Монарх, почтив труды и знаки чудных дел,
Строение вокруг и место осмотрел.
Спросил наставника, кто сими вас горами
Толь крепко оградил, приставя их руками?
Великий Иоанн твой сродник и пример,
Что Россов превознес и злых Агарян стер.
(*Ломоносов М.В.*, 1959, с. 706)

Вместе с тем дате 1582 г. противоречит сообщение грамоты царя Федора Ивановича от 11 августа 1584 г. о том, что на Соловках крепость строится по его указу 1584 г.: «*А ныне деи по нашему ж указу делают у них около Соловецкого монастыря от приходу Свитцких* (шведских. — *В.Б.*) *людей для зажогу город каменной монастырьскою ж казною и крестьяны*». Отсюда и ссылки многих исследователей на «указ» Федора Ивановича в летописце Соловецкого монастыря 1790 г. издания.

В.В. Косточкин неубедительно объяснил появление 1584 г. в летописце редакторской ошибкой, допущенной при переводе на современный язык рукописи, писанной скорописью XVIII в. Для объяснения разночтения дат и понимания сведений документа необходим текстологический анализ самой грамоты Федора. Выявляются два анахронизма: сообщение о строительстве Федором Иоанновичем деревянного острога вокруг монастыря («*по нашему деи указу поставлен около Соловецкого монастыря город деревянной*») и известие о сооружении острога в Суме («*у них же деи в Соловецкой вотчине от Немецких людей в монастырской волости в Суме поставлен острог*»). Между тем хорошо известно, что острог на Соловках был поставлен не Федором, а его отцом Иваном Грозным в конце 1570-х гг. Сумский острог также относится к эпохе Ивана IV (1582 г.). Становится ясно, что слова грамоты царя Федора «*по нашему указу*» нельзя понимать буквально — по указу лично Федора, хотя акт и исходил от него. В грамоте подразумевается серия указов, вышедших из царской канцелярии: «*по нашему* [*царскому*] *указу*».

Из контекста следует, что Федор Иоаннович от имени верховной власти дает ответ на челобитную, поданную или присланную царю соловецкими монахами, частично пересказывая ее содержание. Монахи высказывали претензии, что по царскому указу было велено возводить укрепления: острог на Соловках, острог в Суме, каменную крепость на Соловках. Но всё это осуществляется «*монастырскою казною и крестьяны*», «*а вотчины у Соловецкого монастыря во всех монастырских деревнях живущего только 40 обеж*», и «*монастырские вотчина пустеет, и <...>* (царское, за царя. — *В.Б.*) *богомолье оскудело*» (*ААЭ*, 1836, т. 1, № 323, с. 383–384). Пересказав соловецкое послание, новый царь Федор Иоаннович сообщает о своем решении дать монастырю ряд льгот, подтвердив этим прежнее распоряжение отца о строительстве каменной крепости. В.В. Косточкин верно подметил, что в 1584 г. о возведении Соловецкой крепости говорится в настоящем времени.

Причины появления грамоты от 11 августа царя Федора Иоанновича надо рассматривать в контексте смерти Ивана Грозного, последовавшей в марте 1584 г. Соловецкий летописец конца XVI в. проясняет ситуацию. Оказывается, к новому государю в Москву ездил сам игумен Иаков. Только он и мог предъявить Федору Иоанновичу челобитную на бедственное положение Соловецкого монастыря: «*Преставися государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, а во иноцех Иона марта в 18 день. Того же году на царство и великое государьство на Москве сел сын его, государь царевич Феодор Иванович, и бысть царь всеа Руси. Того ж лета игумен Ияков ездил к Москве ко государю*» (*Корецкий В.И.*, 1981, с. 240; *СЛ-1 XVI в.*, л. 72 — 72 об.).

Во всяком случае, 15 июня 1584 г. игумен Иаков был на приеме у государя и получил подтверждение четырех жалованных грамот, данных ранее Иваном Грозным (*АСМ*, 1988, с. 51, 103, 104, 149, № 75, 166, 167, 241). Как свидетельствует приходная книга монастыря 1584/1585 г.,

вернулся игумен Иаков только 1 октября с пожалованными 200 рублями от царя Федора для поминовения своего отца Ивана IV (*ПРК 1583–1585 гг.*, л. 57; *Приходо-расходные книги*, с. 262). Таким образом, никакого личного повеления Федора Иоанновича начать строить на Соловках «*каменный город*» не было, хотя при беглом чтении документа легко принять год выдачи грамоты за дату начала возведения Соловецкой крепости. Появление ошибочной даты 1584 г. связано с неверным толкованием грамоты от 11 августа 1584 г., где подтверждалось продолжение строительства Соловецкой фортификации.

Теперь осталось выяснить, когда и как появилась неверная дата в Соловецком летописце. Ответ подсказывает сама история Соловецкого монастыря. Ошибка могла произойти в условиях, когда историческое прошлое Соловков по каким-то причинам оказалось основательно забыто, а многочисленные рукописи архива, в том числе летописцы XVI в., не привлекали внимания. Именно такая ситуация сложилась после знаменитого «Соловецкого сидения» 1667–1676 гг.: обитель была взята приступом царскими войсками, после массовых казней полностью сменился состав монахов, культурной традиции монастыря был нанесен непоправимый урон (*Барсуков Н.А.*, 1954; *Борисов А.М.*, 1966; *Чумичева О.В.*, 1998). Архив явно был заброшен; примечательно, что как необычное событие летописец отметил разборку архива только в 1733 г. (*Летописец*, 1790, с. 85). Что же касается древних грамот, хранившихся не в архиве, а в ризнице (среди них находилась и грамота царя Федора 1584 г.), то интерес к ним возник еще в первой четверти XVIII в. Как сообщает Досифей, в 1721 г. «*по указу великого государя* (Петра I. — *В.Б.*) *приезжал в Соловецкий монастырь архангелогородского гарнизона поручик Михайло Салтыков для описи оригинальных древних царских жалованных грамот, также и других достопримечательных документов, которые высочайше повелено тщательно хранить и просушивать. В том же году указом светлейшего синода требовано из Соловецкого монастыря введение о начальном основании сей обители и о всех бывших потом в оной происшествиях*» (*Досифей*, 1833, с. 106).

По-видимому, в 1721 г. поручик Михаил Салтыков, плохо знакомый с прошлым монастыря, при составлении для Петра I исторической справки по материалам грамот допустил ошибку. Последующие летописцы XVIII в. стали ее повторять.

Спорные моменты возникают и при определении даты окончания строительства крепости. В древнейших Соловецких летописцах конца XVI в. она отсутствует. Летописец первой половины XVII в. указывает, что строительство завершилось в лето 7102-е (1594 г.) и связывает это с приездом воеводы Ивана Яхонтова: «*В лето 7102-го году присланы были в Соловки Иоаннъ Яхонтовъ с началными людми, да с ними же и посоха с волостей, того жъ году и город каменной довершенъ*» (*СЛ-1 XVII в.*, л. 32). Аналогичное известие имеется в летописцах конца XVIII в. (*СЛ-1 XVIII в.*, л. 13 об.; *СЛ-2 XVIII в.*, л. 13 об.; *Летописец*, 1790, с. 37) и 1814 г. Последний под 7102 годом сообщает: «*Присланы были в Соловецкой монастырь Иван Яхонтов и начальные особы с прочими для обозрения строющейся крепости и собрания с оной в помощь из монастырских волостей людей. И в тот же год сия внимания достойная крепость строением завершена*» (*СЛ 1814 г.*, л. 11 об.).

Дата 1594 г. утвердилась в литературе достаточно прочно (*Фомин А.А.*, 1797, с. 123; *Макарий*, 1825, с. 56; *История*, 1899, с. 57; *Путеводитель*, б. г., с. 52; *Савич А.А.*, 1927, с. 64; *Скопин В.В.*, 1994, с. 28; *Тельтевский П.А.*, 1969, с. 6, 19; *Максимов П.Н.*, *Свирский И.Я.*, 1958, с. 113; *Косточкин В.В.*, 1972, с. 35; *Фруменков Г.Г.*, 1975, с. 32; *Гемп К.П.*, 1983, с. 106, 108; *Казаринов В.М.*, 2002, с. 373; *Низовский А.Ю.*, 2005, с. 325).

Однако уже Досифей не был уверен в ее правильности и потому сделал оговорку: «*Строение совершенно к окончанию приведено в 1594 году, т.е. в продолжении 10, а по старинной рукописной хронике 12 лет*» (*Досифей*, 1836, ч. 1, с. 85). Если крепость начали возводить по указу Федора (правил с 1584 г.), то Досифей, таким образом, не исключал ее окончание в 1596 г. — через 12 лет. Последняя дата признана некоторыми авторами XIX в. (*Мелетий*, 1881, с. 86; *Федоров П.Ф.*, 1889, с. 174). Эта же дата была увековечена в прошлом веке на мемориальной плите при входе в крепость у Святых ворот.

Ситуацию с датой окончания строительства Соловецкой крепости могут прояснить некоторые архивные документы. В одной из расходных книг Соловецкого монастыря 1595 г. имеется запись: «*Лета 7104-го году <...> Октября в 1 день <...> Нанято наймитов к городовому делу каменному 155 человек от месяца маия 29-го числа да до Покрова Святей Богородицы, дано им найму денег 130 рублев 5 алтын 4 денги. Трудником недорослем 43-м человеком дано денег, как они отпущены на берег, рубль 22 алтына*» (*ПРК 1593–1596 гг.*, л. 66, 67, 68 об.; *Приходо-расходные книги*, с. 386–388). Есть основания считать, что 155 человек наймитов именно в 1595 г.[2] после 8 июня[3] до 1 октября (или после 21 июня до 14 октября по новому стилю) достраивали крайнюю южную Белую башню. Дело в том, что М. В. Щепкина, сличая изображения Соловецкого монастыря на иконах и миниатюрах конца XVI в., обратила внимание на отсутствие в ряде случаев изображений Белой и Успенской башен. Отсюда она предположила, что эти две башни были пристроены позднее, между 1594 и 1596 гг. (*Щепкина М.В.*, 1945; 2000, с. 57). Если относительно Успенской башни и могут возникнуть сомнения (ее в таком случае должны были встроить в уже готовое прясло стены!), то иначе обстоят дела с Белой башней. Архитекторы-реставраторы О. Д. Савицкая и В. В. Сошин в ходе натурных исследований 1977 г. установили, что Белая башня действительно пристроена к переделанному пряслу, и, следовательно, она по времени позднее самой стены (*Савицкая О.Д.*, 1980, с. 94–96; 2005, с. 19–20).

Таким образом, основной массив Соловецкой каменной крепости возвели в 1582–1594 гг., что и признала прибывшая на Соловки из Москвы специальная комиссия во главе с Иваном Яхонтовым. Однако для дополнительного усиления южного фланга обороны решено было пристроить еще одну башню — Белую. Следовательно, **каменная крепость Соловецкого монастыря строилась непрерывно 14 лет, с 1582 по 1595 г.**

И всё же в 1595 г. Соловецкая крепость не была завершена окончательно. В данном выводе В. В. Косточкин, несомненно, прав, отмечая со ссылкой на царскую грамоту, что к началу XVII в. не был выкопан северный ров, отсутствовал Пристенок, защищавший Поварню и Квасоварню со стороны Святого озера. Мы полагаем, что здесь сказались последствия Тявзинского «*вечного мира*», заключенного в мае 1595 г. Швеция возвратила России Кексгольм со всеми прилегающими землями и уездами, ранее принадлежавшими Великому Новгороду: Ивангородом, Ямом, Копорьем, Нотебургом, Ладогой. Швеция также обязалась не нападать на Псков, Холмогоры, земли Двины, Соловецкий монастырь, Сумский Посад, Каргополь и Колу. Лишь осложнение политической обстановки на Севере в первой четверти XVII в. (*Летописец*, 1790, с. 43) напомнило о недоделках Соловецкой крепости, которые тогда же и устранили.

1.4. В какую сумму обошлась монастырю крепость?

Каменная Соловецкая крепость включала шесть башен и восемь прясел, т. е. 14 объектов. Совпадение цифр — 14 лет строительства и 14 частей крепости — явно не случайно. В. В. Скопин высказал предположение, что ежегодно в летние месяцы могли ставить по одной башне или простенку (*Скопин В.В.*, 1991, с. 64). Исследования архитектора-реставратора В. В. Сошина показали, что это совсем не так: им выявлены швы в местах стыка участков, построенных в разное время. Они включают вовсе не целые прясла или отдельные башни. Видимо, всё же правильнее говорить пока в целом, не конкретизируя, о 14 участках — по числу лет, ушедших на строительство крепости. Последним по времени сооружения участком была,

[2] В ранней статье (*Буров В.А.*, *Скопин В.В.*, 1985, с. 58–70) мною была неверно пересчитана дата, указан 1596 г.

[3] Реально работы начинали после Троицы. В 1595 г. переходящий Великий праздник День Святой Троицы (Пятидесятницы — на 50-й день после Пасхи) приходился на 8 июня (Православный церковный календарь на 1595 г. http:// kalendar-365.ru/orthodox/1595). Покров праздновали 1 октября.

несомненно, Белая башня. Содержащиеся в приходо-расходной книге сведения о ее строительстве уникальны. Именно они позволяют подсчитать примерный объем денежных средств и трудозатрат для всей крепости.

Известно, что строительство велось с праздника Святой Троицы до Покрова. Как уже отмечалось, в 1595 г. переходящий Великий праздник День Святой Троицы (Пятидесятницы — на 50-й день после Пасхи) приходился на 8 июня. Итак, в 1595 г. с 8 июня до 1 октября для возведения Белой башни были наняты 155 человек, которым заплатили 130 рублей 5 алтын и 4 денги. Отсюда, **по самым грубым подсчетам, возведение 14 объектов крепости должно было обойтись монастырю в сумму, близкую к 1800 руб.** (130 × 14 = 1820).

При этом могло быть задействовано ежегодно полторы сотни оплачиваемых вольнонаемных казаков, которые трудились примерно 90 дней с учетом воскресенья, праздников и без учета помощи со стороны монахов, монастырских крестьян и трудников. Расчет:

155 чел. × 90 дн. = 13 950 чел/дн.

13 950 чел/дн. × 14 лет = 195 300 чел/дн.

Это весьма грубые и самые приблизительные цифры. Но в любом случае общая сумма расходов монастырской казны на городовое дело в 1582–1595 гг. должна была приближаться к цифре 2 тыс. руб., или даже превышать ее. В стоимость работ необходимо также включить доставку извести с Северной Двины, изготовление и доставку кирпича с горы Вараки (о. Большой Соловецкий), а также леса, теса на кровли с поморских волостей. В расходной книге 1583 г. 1 августа имеется запись: «*Послан Федор Гуща на Двину наймовати тесу тесати и драниц драти, денег дано ему на наем 30 рублев*» (*ПРК 1583–1585 гг.*, л. 22; *Приходо-расходные книги*, с. 244). Запись в расходной книге 1584 г.: «*Дано посошным сухонаволоцкым найму на лето к городовому делу за сухонаволочян 3 рубли 25 алтын. Да за шиженцов дано посошным же найму на лето 3 рубли*» (*ПРК 1583–1585 гг.*, л. 63; *Приходо-расходные книги*, с. 267). Возможно, записи расходных книг неполные и не отражают всех расходов по названным статьям на возведение крепости. Но также возможно, что не учитываемые в денежном выражении производства осуществлялись монастырскими крестьянами по разверстке.

Необходимую сумму денег на возведение каменной крепости монастырь получил в виде царских вкладов. Две тысячи рублей были в казне Соловецкого монастыря уже в самом начале строительных работ. Они пришли из Москвы, от царя, но проведены были по другим статьям. Согласно приходной книге 1583 г., 14 мая «*Соловецкаго монастыря игумен Иаков привез с Москвы государева жалованья по царевиче князе Иване Ивановиче 200 рублев*». 20 мая «*старец Архип привез с Москвы государева жалования по опальных 2000 рублев, а досталь у него тех денег в росходе, а сколке и по ком дано, и тому подлинная роспись в Архиповых книгах и в манастырскых в вкладных*» (*ПРК 1583–1585 гг.*, л. 2, 34; *Приходо-расходные книги*, с. 234, 250). Общая сумма денег, пожертвованных в 1582–1584 гг. Иваном Грозным в Соловецкий монастырь по опальным, по подсчетам А. А. Савича, составила 2300 руб. (*Савич А. А.*, 1927, с. 56–57, прим. 4).

Осенью 1584 г. 200 руб. были пожалованы от взошедшего на престол царя Федора Ивановича: «*Октября в 1 день. Соловецкаго монастыря игумен Ияков привез с Москвы государева жалованья 200 рублев, что пожаловал государь царь и великий князь Феодор Иванович. А велел поминати отца сваего царя и великого князя Ивана Васильевича*» (*ПРК 1583–1585 гг.*, л. 57; *Приходо-расходные книги*, с. 262). В итоге **2500 руб., поступившие от государей в монастырскую казну к 1584 г. на государево богомолье, и составили экономический фундамент успешного крепостного строительства на Соловках «*монастырской казной*».**

Помимо этих денег в 1592 г. после «*немецкого разорения*» Поморья монастырь получил льготную жалованную грамоту, освобождавшую монастырь на пять лет от пошлин с рыбных и соляных промыслов, от дани и оброка с продажи соли и покупки хлеба. Предписывалось направить эти деньги на завершение строительства каменной Соловецкой крепости: «*А теми денгами велено в монастыре город каменной доделати*» (*Копии грамот 1742 г.*, л. 306 об.).

1.5. О зодчих — Иване Михайлове и монахе Трифоне Кологривове

Многочисленные соловецкие летописцы XVII–XIX вв. сообщают имя зодчего Соловецкой крепости монаха Трифона, называя его городовым мастером, постриженником Соловецкого монастыря, и отмечают его кончину на Соловках. Набор сведений о Трифоне всегда одинаковый:

— «*городовой мастеръ былъ монахъ Трифонъ, соловецкой постриженникъ, и скончася въ Соловкахъ*» (*СЛ XVII в.*, л. 32; *СЛ-2 XVIII в.*, л. 34; *Летописец*, 1790, с. 37);

— «*городовой мастеръ былъ монахъ Трифонъ, постриженикъ соловецкой и скончася в Соловках*» (*СЛ-1 XVIII в.*, л. 13 об.);

— «*монах Трифон, постриженник соловецкий*» (*СЛ 1814 г.*, л. 12).

Одним из первых указанные сведения о Трифоне привлек академик И.И. Лепехин, который в 1772 г. осмотрел крепость. Он явно ознакомился с одним из соловецких летописцев, из которого и почерпнул сведения: «*Все укрепление располагал и надзирал над строением соловецкий постриженик монах Трифон, который и скончался в Соловках*» (*Лепехин И.И.*, 1805, с. 69; 1822, с. 441–442). Побывавший в 1789 г. в монастыре А.И. Фомин также писал о Трифоне: «*Зодчий сего градоздания был постриженик Соловецкой обители монах Трифон, коего чиносостояние довольное дает понятие о разумении его неведомой тогда гражданским начальникам военной архитектуры*» (*Фомин А.И.*, 1797, с. 124). В 1825 г. Макарий отредактировал эту фразу: «*Зодчий сего градоздания был постриженник Соловецкого монастыря монах Трифон, который, как видно, имел довольное понятие неведомой тогда гражданским начальникам военной архитектуры*» (*Макарий*, 1825, с. 56).

Досифей в 1836 г., опираясь на архивные документы, внес интересное дополнение: «*...сей Трифон, старец соловецкий, был уроженец поморского селения Неноксы. По смерти его, в уважение незабвенных трудов, записан он в синодик за вклад 50 рублей для всегдашнего поминовения, доколе святая обитель стоит*» (*Досифей*, 1836, ч. 1, с. 85).

В 1975 г. научный сотрудник Соловецкого государственного музея-заповедника Н.И. Шилов посетил Нёноксу, родину Трифона. Оказалось, что там даже 400 лет спустя помнили фамилию зодчего, но в современной транскрипции — Кологреев (*Соловецкие острова*, 1978). Это подтвердили последующие архивные изыскания В.В. Скопина, который во Вкладной книге Соловецкого монастыря конца XVI — начала XVII в. нашел следующие записи: «*Да старец Трифон ненакшанин Кологривов дал вкладу 20 рублев*»; «*Старец Трифон ненакшанин делал город каменной двенадцать лет, да ставил церковь каменную Благовещение пресвятые Богородицы на воротех, да переходы делал на монастыре каменные. И игумен Исидор, поговоря с старцы с соборными за те ево труды написали в книги за вклад за пятьдесят рублев к прежнему его вкладу, и как бог пошлет по душу, и его написати в литию без выписки, и поминать его как и прочюю братию вкладчиков, докуды сия обитель стоит*» (*Книга 1536–1600 гг.*, л. 85, 102 об.; *Буров В.А.*, *Скопин В.В.*, 1985, с. 64). В приходо-расходных книгах В.В. Скопиным были обнаружены и другие сведения о «*старце-каменщике*» Трифоне, который прожил долгую жизнь.

Трифон оставил после себя ученика Исайю, имя которого называет расходная книга 1608 г. В это время Исайя вместе с другими старцами был направлен с поручением на монастырские соляные промыслы: «*Посланы на наемных на известных на семи лодях по соль в Летнюю реку в Кузему старцы Игнатей, да Антоней, да Исайя Трифанов ученик, да Никодим, да Устин, да слуги Нечай Ситников, да Федор Стафуров*»; «*Послан старец Исайя Трифонов ученик на наемной на хлебной лоде в Летнюю реку по соль, денег дано на дорогу 3 алтына 2 денги*» (*ПРК 1602–1608 гг.*, л. 93 об., 95 об.).

Во Вкладной книге В.В. Скопин выявил упоминание и о другом мастере — Иване Михайлове: «*С Вологды Иван Михайлов сын каменщик делал город каменной два года лета 7090 да 91 за 20 рублев, вкладом по десяти рублев на год*». Имя этого зодчего мелькнуло в монастырских расходных книгах еще дважды. В 1585 г. у «*Ивана*

Научное издание

Владимир Андронович Буров

КРЕПОСТЬ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ
История, зодчество, археология

Том 1
Исследование и публикации

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *О. Д. Курта*

Подписано в печать 16.03.2019. Формат 60×90 $^{1}/_{8}$
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 74. Тираж 300 экз. Заказ № 1791

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86